

36
19060

из

ЛИКИ ВОЙНЫ.

СБОРНИКЪ ОДНОАКТНЫХЪ ПЬЕСЪ.

- 1) ИЗЪ ЦИКЛА „14-й ГОДЪ“ — стихи Лолѣ.
- 2) „ЧЕРКЕШЕНКА“ — Як. Львова.
- 3) „МАТЕРИ“ — В. Ильнарской.
- 4) „ПЛѢННИКИ“ (по Молассану) — инсц. Е. Гартингъ.
- 5) „ШЕЛКОВЫЯ СЪБИ“ (Шпюнка) — Як. Львова.
- 6) „ДѢТВОРА“ (На войну!) — Як. Львова.

ИЗДАНИЕ ~~музыкальное~~

„РАМПА И ЖИЗНЬ“

МОСКВА—1915.

VII г. изд.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 годъ

VII г. изд.

на еженедельный богато-иллюстрированный журналъ

„РАМПА И ЖИЗНЬ“

подъ редакціей **П. Г. Мушштейна** (Loio).

(ТЕАТРЪ. — МУЗЫКА. — ЛИТЕРАТУРА. — ЖИВОПИСЬ. — СКУЛЬПТУРА.)

Безплатная премія для годовыхъ подписчиковъ:

Гаплерея сценическихъ дѣятелей.

— Роскошно-иллюстрированное издание. —

1900—1915 г.г.—Томъ 1-ый (въ двухъ частяхъ).

Монографіи, характеристики, біографіи.

Драма: Ермолова, Коммиссаржевская, Савина, Федотова, Лешковская, Садовская, Ленскій, Горевъ, Далматовъ, Садовскій, Варламовъ, Давыдовъ, Южинъ, Станиславскій. Опера: Собиновъ, Тартаковъ, Ершовъ, Фигнеръ, Смирновъ, Нежданова, Медея Фигнеръ, Липковская, Кузнецова-Бенуа.

Балетъ: Гельцеръ, Кшесинская, Павлова, Карсавина, Преображенская, Федорова 2-я, Каралли, Балашева, Мордкинъ, Нижинскій, Фокинъ.

Въ первый томъ войдутъ статьи, стихи, воспоминанія: Александра Амфи-театрова, Юрія Бѣляева, Н. Н. Вильде, Евг. Гунста, В. М. Дорошевича, Александра Койранскаго, Як. Львова, Loio, Ю. Соболева, М. Юрьева, Сергѣя Яблоновскаго. Снимки въ жизни и въ роляхъ, зарисовки, шаржи и проч. Репродукціи рѣдкихъ портретовъ и фотографій изъ музеевъ А. А. Бахрушина и В. В. Протопопова. Коллекціи Н. А. Попова.

Полугод. подп., желающіе получить 1-ю часть, приплачиваютъ 1 рубль, обѣ части 1 р. 50 к.

12 м.—6 р., 6 м.—3 р. 50 к., 3 м.—1 р. 75 к., 1 м.—60 к., загр.—двое.

52 большихъ портрета (на обложкѣ) артистовъ, писателей, композиторовъ и художниковъ, болѣе **2000** снимковъ, зарисовокъ, шаржей, карикатуръ и проч. Собствен. корреспонд. во всѣхъ запад.-европ. театральныхъ центрахъ. **52**

Адресъ: Москва, Богословскій пер. (уг. Б. Дмитровка), д. 1. Тел. 2-58-25.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ также въ Москвѣ у Н. И. Печковской (Петровскія линіи) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ г. Москвы и провинціи.

36
19060

ЛИКИ ВОЙНЫ.

СБОРНИКЪ ОДНОАКТНЫХЪ ПЬЕСЪ.

48/188

- 1) ИЗЪ ЦИКЛА „14-й ГОДЪ“—стихи Лоло.
- 2) „ЧЕРКЕШЕНКА“—Як. Львова.
- 3) „МАТЕРИ“—В. Ильнарской.
- 4) „ПЛѢННИКИ“ (по Мопассану) — инсц.
Е. Гартингъ.
- 5) „ШЕЛКОВЫЯ СЪТИ“ (Шпіонка) — Як.
Львова.
- 6) „ДѢТВОРА“ (На войну!) — Як. Львова.

ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„РАМПА И ЖИЗНЬ“

МОСКВА—1915.

МОСКВА—1915 г.

Тип. и цвнк. т./д „Мысль“ Н. П. Меснянкинъ и К°. Петровка, 17.

Изъ цикла „14-ый годъ“.

РЕЙМСКІЙ СОБОРЪ.

На мотивъ изъ Э. Ростана.

*...Его безсмертіе еще прекраснѣй стало...
Пуускай голодный звѣрь добычу въ ключья рветъ,—
Не гибнетъ свѣтлый храмъ отъ грязныхъ рукъ вандала...
И Фидіи и Родэнъ вамъ скажутъ: «онъ живетъ!»*

*Да!.. Крепость можетъ пасть отъ вражескихъ ударовъ,
Но храмъ разрушенный—все тотъ же дивный храмъ.
И въ кружевъ камней, и въ заревъ пожаровъ
Еще чудеснѣй онъ и ближе къ небесамъ.*

*Дѣла презрѣнныхъ душъ окидывая взоромъ,
Мы говоримъ врагу: чего добился ты?
Кошунствомъ увѣнчалъ величье Красоты:
Намъ создалъ Паренонъ, себя покрылъ позоромъ!..*

*Но знай: не смоется волной грядущихъ лѣтъ
Тевтонской дикости неизгладимый слѣдъ!*

LOLO.

„Матери“

др. въ 1 д. В. Н. Ильнарской.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Наталья Петровна Логинова. (Лѣтъ 45, одѣта просто).

Миша—ея сынъ, лѣтъ 15.

Дина—ея дочь, лѣтъ 10.

Вѣра Петровна Петровская—ея сестра, немного моложе ея.

Фрау Роттермаеръ—(нѣмка, лѣтъ пятидесяти, стройная, величественная, совершенно сѣдые волосы, причесана изысканно и модно, одѣта очень нарядно).

Фрау Мюллеръ—(среднихъ лѣтъ, одѣта очень хорошо).

Фрицъ—(ея сынъ, лѣтъ 13).

Алиса—(дѣвочка, лѣтъ 12, француженка).

Хозяинъ гостиницы — (благообразный господинъ подь француза).

Рантье—(старичекъ, французъ, маленькій, высохшій; часто засыпаетъ на мгновеніе среди словъ, а потомъ сейчасъ же продолжаетъ прерванную рѣчь).

Портъе.

Почтальонъ.

Телеграфистъ.

Маленькій мальчикъ.

Дѣти, бонны, гувернантки.

Дѣйствіе происходитъ въ Швейцаріи, въ отелѣ, черезъ двѣ недѣли послѣ объявленія войны. Декорація представляетъ Hall въ хорошемъ отелѣ. Это большая комната, вся заставленная изящной плетеной мебелью, большими кожаными креслами и маленькими столиками. Нѣсколько стоячихъ высокихъ лампъ съ большими абажурами. На первомъ планѣ, налѣво, входная дверь и лѣстница въ верхніе этажи. За лѣстницей—бюро и шкафъ съ отдѣленіями для писемъ. Къ бюро приносятъ телеграммы, письма и портъе раскладываетъ ихъ по отдѣленіямъ въ ящики. Въ глубинѣ двери съ надписью. Salon, Saaléa manger, Bureau.

Въ углу піанино.

Послѣобѣденное время. Вся живущая въ отелѣ публика размѣстилась группами: сидятъ нѣмцы, русскіе, французы, бразильцы со смуглыми лицами,—всѣ одѣты по-европейски, изысканно; дамы въ вечернихъ туалетахъ, мужчины въ смокинггахъ, пиджакахъ. Настроеніе нервное, удрученное, но всѣмъ хочется скрыть это.

При поднятіи занавѣса направо, ближе къ авансенѣ сидитъ Наталья Петровна съ дѣтьми, смотритъ журналы. Лѣвѣе, ближе къ піанино сидятъ Фрау Роттермасеръ и Фрау Мюллеръ. Въ глубинѣ у карты стоятъ хозяинъ и рантье.

Хозяинъ (*водитъ карандашомъ по картѣ*). Вотъ здѣсь—лѣвое крыло французовъ, а здѣсь армія кронпринца... Нѣмцы хотятъ обойти нашихъ... т. е. вашихъ (*оглядывается*). Вы понимаете, monsieur, у меня отель... я гражданинъ нейтральной страны, желающей сохранить добрыя отношенія со своими сосѣдями... И хотя всѣ мои симпатіи на сторонѣ вашихъ славныхъ соотечественниковъ, но я долженъ быть одинаково любезенъ со всѣми... Вы понимаете? Les affaires sont les affaires!

Рантье. Но вѣдь мы же во французской Швейцаріи... Вы наши друзья! Не такъ ли?

Хозяинъ. Naturellement! Совершенно вѣрно! Но...

Рантье. Въ нѣмецкой Швейцаріи я бы не остался ни одной минуты!

Хозяинъ. Но нѣмцы, или вѣрнѣе, нѣмки, какъ видите, остаются въ моемъ отелѣ—и я долженъ...

Рантье. Скажите, неужели и они, какъ и я, живутъ у Васъ въ... (*съ трудомъ выговаривая неприятное ему слово*) кредитъ?

Хозяинъ. О нѣтъ, monsieur, они раньше Васъ знали, что будетъ война, и всѣ деньги получили по своимъ аккредитивамъ—и не бумажками, а золотомъ...

Рантье. (*громко*) Канальи! Разбойники!

Хозяинъ. Monsieur, умоляю васъ!

Рантье. Молчу, молчу... Иначе вы лишите меня кредита, не такъ ли?.. Нѣтъ, могъ ли я когда нибудь вообразить, что я съ моей пятидесятитысячной рентой буду нуждаться въ какихъ нибудь десяти франкахъ!

Хозяинъ. Что дѣлать,—война! (*обращаясь къ картѣ*) Да... такъ вотъ, нѣмцы хотятъ обойти наше... т. е. ваше лѣвое крыло. И если имъ это удастся...

Рантье. (*кричитъ*) Не удастся! Не удастся!

Хозяинъ. Monsieur, умоляю васъ!

Рантье. Молчу, молчу!..

(Входит портье съ чемоданомъ, за нимъ Вѣра Петровна. Хозяинъ, встрѣчая ее, кланяется; Рантье садится и погружается въ чтеніе журнала, а потомъ въ дремоту).

Хозяинъ. Сейчасъ, мадамъ, вамъ покажутъ комнаты. *(звонитъ)*.

Вѣра Петр. Хорошо, хорошо! Но прежде попросите сюда мадамъ Логинову.

Хозяинъ. *(беретъ трубку телефона, обращаясь къ В. П.)* Ваша фамилія, мадамъ?

Вѣра Петр. Скажите что сестра.

Хозяинъ. *(въ телефонъ громко)* Мадамъ Логинову просить сестра.

Нат. Петр. *(прислушивается, поднимая голову отъ журнала, потомъ встаетъ, направляется къ хозяину, подходя)* Что? меня кто-то спрашиваетъ? *(видитъ сестру)* Боже мой, Вѣра! *(цѣлуются)* Какъ ты сюда попала? почему не телеграфировала?

(Миша и Дина тоже подбѣжали, радостно цѣлуютъ В. П. На перебой говорятъ) Тетичка, милая, какъ хорошо, что ты пріѣхала, мы не знали гдѣ ты, что съ тобой,—безпокоились...

Миша. Ну, слава Богу, что ты пріѣхала тетичка, а то мама все плакала—думала, что ты погибла.

Н. П. Ну, рассказывай, рассказывай, какъ ты пробралась сюда. *(къ портье)* Вещи, мадамъ, отнесите въ номеръ рядомъ съ моимъ, или, во всякомъ случаѣ, поближе. *(Портье съ вещами поднимается по лѣстницѣ, сестры цѣлуются, садятся)*.

Н. П. *(со вздохомъ)* Боже, я такъ волновалась, думала, что и не увидимся... Почему ты не телеграфировала?

В. П. Да, что же я могла телеграфировать—чтобы еще больше волновать тебя? Вѣдь сообщить, когда пріѣду, невозможно такъ какъ ничего неизвѣстно. Поѣзда идутъ неправильно и очень рѣдко. Вѣдь я вмѣсто 8 часовъ ѣхала 52.

Н. П. Почему же?

В. П. Войска идутъ, вагоны всѣ заняты, на станціяхъ сидѣли по 6 часовъ... Ужасное путешествіе! Ну, да слава Богу, добралась. Ну, расскажите, какъ вы тутъ живете, какъ тебѣ удалось выбраться отъ нѣмцевъ—вѣдь они, Богъ

знаеть, какіе ужасы продѣлывали съ русскими. Ты знаешь, пока я не получила отъ тебя телеграммы изъ Швейцаріи, я ужасно волновалась.

Н. П. Нѣтъ, мы благополучно выбрались. Мы наканунѣ объявленія войны выѣхали сюда. А вотъ Николай Львовичъ въ Бельгіи остался...

В. П. (*всплескивая руками*) Какъ въ Бельгіи?

Н. П. Ахъ, и не говори—такой ужасъ! такой ужасъ! Онъ къ морю поѣхалъ, въ Остенде. Я-то не поѣхала—вѣдь я, ты знаешь—море не переносу, а онъ непремѣнно хотѣлъ у моря пожить недѣлку, другую, а потомъ ужъ сюда, а тутъ вдругъ эта ужасная война!—и я до сихъ поръ не имѣю отъ него никакихъ извѣстій. (*плачетъ*).

Миша. Вотъ, тетичка, мама все время плачетъ, а я увѣренъ, что съ папочкой ничего ужаснаго не случилось и съ Петей тоже. Вѣдь ты знаешь, тетичка, что братъ Петя призванъ на войну.

В. П. Да, мама мнѣ телеграфировала...

Н. П. Ахъ, все это такъ ужасно, такъ ужасно... не простилась даже я со своимъ мальчикомъ, не благословила. (*плачетъ*).

Миша. А я такъ завидую Петѣ!—Итти воевать, бить этихъ проклятыхъ нѣмцевъ. Ухъ я бы ихъ столько убилъ, столько убилъ! (*машетъ руками*).

В. П. Ну, что же ты плачешь, сестра? Богъ милостивъ, да и что же дѣлать? Надо же защищать родину!

Н. П. Я все это хорошо знаю, но вѣдь я мать, и ты понять меня не можешь—у тебя нѣтъ дѣтей. Когда берутъ твоего ребенка и посылаютъ его на смерть...

В. П. Почему же непремѣнно на смерть?

Н. П. Ну, если и не на смерть, то на опасности, на лишения, на болѣзни.

В. П. Зачѣмъ же такъ смотрѣть? надо считать, что посылаютъ на подвигъ, на великій подвигъ,—на защиту родины, а если и на смерть, то на смерть прекрасную, свѣтлую смерть.

Н. П. Да, да, конечно,—намъ нельзя спорить съ тобой объ этомъ. Но то, что я чувствую, это—глубже человѣческихъ словъ и всѣхъ человѣческихъ понятій и условностей... Можетъ быть это даже ниже человѣческаго... но это материн-

ское—и понять меня, мое горе, мое отчаяніе можетъ только мать. (*Задумывается. Пауза*).

В. П. (*Мишѣ*). — Ну, какъ же вамъ вообще здѣсь живется?

Миша. — Ужасно надоѣло, хочется домой. Знаешь, тетичка, здѣсь въ отелѣ много нѣмцевъ, и всѣ такіе противные, вотъ этотъ мальчикъ нѣмецъ (*показываетъ на Фрица*)—мы съ нимъ въ ссорѣ, а вотъ эта сѣдая дама тоже нѣмка изъ Берлина, у нея сынъ на войнѣ. Но она никогда не плачетъ и не жалѣетъ его, а наоборотъ такая веселая, веселая; получаетъ все отъ него письма съ войны и всѣмъ читаетъ, какъ они тамъ побѣждаютъ бѣдныхъ бельгійцевъ, а вотъ та, рядомъ съ нею, сидитъ мать Фрица тоже нѣмка, только австріячка.

Дина (*перебивая*). — А вотъ ея дѣвочка. Знаешь, тетя, она на меня плюнула!

В. П.—Плюнула?

Миша.—Да, прочитала въ газетахъ, что русскіе взяли какой-то городъ, подошла и плюнула на нее, а меня толкнула. Я хотѣлъ ее поколотить, да не хотѣлось связываться съ дѣвченкой!

Дина. — Ну да, какъ же! — просто, ты испугался ея брата Фрица.

Миша. — Я испугался, я? Чтобы я боялся какого-то нѣмчуру! какъ-же...

(*Подходитъ Алиса, дѣлаетъ реверансъ*).

Дина.—Вотъ это моя подруга Алиса. Ея мама, тетичка, тоже все время плачетъ, боится, что нѣмцы возьмутъ Парижъ.

В. П.—Ну, положимъ, Парижа-то имъ не отдадутъ!

Дина. — Не отдадутъ, тетичка? (*Серьезно*). Ты это навѣрно знаешь?

В. П. (*улыбаясь*).—Навѣрное.

Дина (*хлопаетъ въ ладоши*). Пойдемъ. Алисонъ, скажемъ маманъ! (*Радостно убѣгаютъ къ матери, говоря*) Тетичка знаетъ, она вѣдь только что пріѣхала изъ Парижа.

Миша. — Скажите, а потомъ пойдемъ нѣмокъ дразнить. (*Убѣгаютъ въ глубину*).

Н. П. — Просто бѣда съ дѣтьми: каждый день непріятности. Играютъ все въ войну, того и гляди, покалѣчатъ

друг друга. Есть тутъ два нѣмецкихъ мальчика, такіе заносчивые—просто ужасъ. Дня три тому назадъ, послѣ какой-то нѣмецкой побѣды, одинъ изъ нихъ сталъ требовать, чтобы всѣ дѣти ему цѣловали руку. Ну, Миша, конечно, не хотѣлъ, сталъ смѣяться надъ нимъ, такъ тотъ такъ разсвирѣпѣлъ — набросился на Мишу, насилу оторвали. Теперь въ ссорѣ—не разговариваютъ.

Миша (*сѣлъ за рояль и играетъ Марсельезу, поглядывая на нѣмокъ, близъ сидящихъ, а потомъ переходитъ на «Ахъ мейнъ либеръ Августинъ»*); къ нему присоединяются Дина, Алиса, и всѣ они громко поютъ пѣсенку и кривляясь прохаживаются мимо нѣмокъ. Всѣ смѣются. Нѣмки злятся).

Н. П.—Миша, Миша перестань, Дина, — какъ вамъ не стыдно! (*Дѣти не слушаются*).

Роттермайеръ (*встала и громко говоритъ Мишѣ*). Вы скверный мальчишка, васъ нужно за уши выдрать! (*подходя къ Нат. Петровнѣ*) Мадамъ, вы не умѣете воспитывать вашихъ дѣтей! Когда ваша Россія будетъ Германіей, мы научимъ васъ. (*Отходитъ. Всѣ возмущены*).

В. Н.—Ну, знаешь,—это наглость!

(*Входитъ почтальонъ, всѣ бросаются къ нему. Онъ раздаетъ газеты; кому нѣмецкія, кому французскія. Фрау Роттермайеръ первая взяла газету и читаетъ стоя*).

Н. П.—А русскихъ газетъ все еще нѣтъ. Ужасно неприятно, не знаешь, что тамъ у насъ дѣлается. По этимъ газетамъ нельзя судить, ужъ очень онѣ пристрастны. Каждая пишетъ о своихъ побѣдахъ.

Фрау Мюллеръ (*подходя къ Роттермайеръ и заглядывая въ газету*). Ну, что у насъ слышно, фрау Роттермайеръ? Конечно побѣда?

Роттермайеръ. — Побѣда, громадная побѣда! (*Нат. Петровнѣ*). Поздравляю васъ, мадамъ. Вы можете не сокрушаться о вашемъ сынѣ! навѣрное война скоро кончится. Наши войска такъ колотятъ вашихъ, что отъ нихъ скоро ничего не останется!

Миша (*кричитъ*). Не смѣйте, не смѣйте такъ говорить! это неправда, неправда! это въ вашихъ нѣмецкихъ продажныхъ газетахъ написано, а здѣсь, вотъ, во французскихъ совсѣмъ другое. Ты, мамочка, не вѣрь, вотъ, почитай (*суетъ*

ей газету) почитай: тутъ написано, что русскіе побѣждаютъ, а нѣмцы поганые все бѣгутъ, потому что они трусы.

Фрицъ.—Ты не смѣешь называть нѣмцевъ погаными, русскій мужикъ! Я тебѣ покажу! (*Хочетъ толкнуть его*).

В. П. (*становясь между ними*).—Перестаньте же, господа, вѣдь это же невозможно, оставьте вашу политику!

Хоз. гост.—Просто ужасно, мадамъ, Вотъ я вездѣ вывѣсилъ плакаты, что о политикѣ прошу не говорить,—и ничего не помогаетъ. (*вздыхнувъ отходитъ*).

Н. П. (*задумчиво*).—Какъ же не говорить о политикѣ? о чемъ же говорить? Да и какая ужъ теперь политика, когда наши дѣти умираютъ. Это ужъ не политика, а безуміе и ужасъ...

Рантье (*просытаясь*).—Ну что? Какія вѣсти, господа? что пишутъ, Фрау Мюллеръ, въ вашихъ газетахъ?

Мюллеръ. Большая побѣда, monsieur, наши подходятъ къ вашему Парижу.

Рантье (*насмѣшливо*).—Уже подходятъ? Скажите, очень плохо наше дѣло, фрау? (*Подходитъ къ Н. П., видя у нея въ рукахъ французскую газету*). А что пишутъ, мадамъ, въ нашихъ газетахъ?

Н. П.—Тутъ пишутъ, что русскіе и французы побѣждаютъ нѣмцевъ и отогнали ихъ отъ Парижа.

Рантье.—Отогнали? Это хорошо, очень хорошо! А биржа, биржа какъ?

Н. П.—О биржѣ не пишутъ.

Рантье (*обращаясь къ Мюллеръ*).—Что, фрау, какъ биржа въ Берлинѣ?

Мюллеръ.—О биржѣ ничего нѣтъ.

Рантье (*возмущенно*).—Нѣтъ? О биржѣ ничего нѣтъ ни во французскихъ, ни въ нѣмецкихъ! Каково! Не понимаю, зачѣмъ существуютъ эти газеты? Кому онѣ нужны? (*обращаясь къ Н. П.*) Вы знаете, мадамъ, у меня 50 тысячъ годового дохода, значить я богатъ,—но теперь я нищій. (*Тихо*). Я живу здѣсь въ долгъ! я... въ долгъ, я всѣмъ долженъ, я, который никогда въ жизни не зналъ, что такое значить занимать — теперь живу въ долгъ въ отелѣ, и меня всѣ презираютъ. Да, да, меня всѣ презираютъ: презираетъ хозяинъ, портъе, горничная, всѣ, всѣ, — и вы меня презираете, хотя вы очень добры, я знаю, но меня презираете. (*На жестъ*

Н. П.) И я васъ понимаю, я самъ всегда презиралъ бѣдныхъ людей, особенно такихъ, которые ничего не дѣлають у всѣхъ занимають и такъ же, какъ я болтаются по чужимъ странамъ. Но что я могу теперь дѣлать, мадамъ, когда я всю жизнь былъ космополитомъ. Я ѣздивъ по курортамъ, ни о чемъ не думалъ, такъ какъ я былъ обезпеченъ на всю жизнь, а теперь они меня оставили, извините, безъ штановъ. (*Засыпаетъ на мгновенье*). Безъ штановъ... (*Засыпаетъ*).

Мюллеръ.—Пойдемъ, фрау Раттермайеръ, выпьемъ вина, отпразднуемъ наши побѣды. (*Уходятъ въ столовую*).

(*Входитъ телеграфистъ. Отдаетъ телеграммы хозяину гостиницы, тотъ расписывается. Телеграфистъ уходитъ*).

Хозяинъ.—Вотъ телеграмма, мадамъ. (*Подаетъ телеграмму Н. П.*).

Н. П. (*Взволнованно быстро хватаетъ телеграмму. Смотритъ на нее*).—Ахъ, боюсь читать. (*Берется за сердце*). Ужъ не съ Петей ли что!

В. П.—Дай сюда (*смотритъ*). Изъ Стокгольма. (*Читаетъ*). «Благополучно пробираюсь домой. Здоровъ. Цѣлую. Телеграфируй. Коля». Ну вотъ видишь, слава Богу, онъ скоро будетъ дома. Телеграмма изъ Стокгольма.

Н. П.—Дай сюда. (*Читаетъ*). Просто глазамъ своимъ не вѣрю. Ну, слава Тебѣ Господи!

Рантье (*просыпаясь*). Что вы получили, мадамъ?

Н. П.—Телеграмму отъ мужа изъ Стокгольма.

Рантье.—Да... А о биржѣ онъ ничего не пишетъ?

Н. П. (*улыбаясь*).—Нѣтъ.

Рантье.—Ничего нигдѣ не пишутъ о биржѣ. (*Уходитъ наверхъ бормоча*). Ничего не пишутъ.

Миша (*подбѣгая*).—Мамочка, ты получила телеграмму? отъ кого?

Н. П.—Отъ папы. Онъ уже въ Стокгольмѣ и ѣдетъ домой.

Миша.—Ну, вотъ видишь, мамочка, какъ все хорошо. Ну, будь же веселой.—Теперь, мамочка, вѣдь все благополучно (*цѣлуетъ мать*).

Н. П. (*грустно улыбаясь*).—Конечно, конечно, милый, я теперь буду спокойнѣе.

Миша.—А о Петѣ тебѣ нечего беспокоиться, онъ воинъ, онъ бьетъ нѣмцевъ. Ахъ, я тоже хочу бить нѣмцевъ.

Вотъ у нихъ, тетичка, берутъ на войну 17-лѣтнихъ. Вотъ, если бы у насъ такой законъ вышелъ, я бы тоже могъ пойти.

В. П. Но вѣдь тебѣ все равно нѣтъ 17-ти.

Миша.—*(Немного смущенъ)*.— Ну такъ что же? вѣдь война продолжится, можетъ быть, 10 лѣтъ. Это мнѣ одинъ Бразильянецъ говорилъ. Онъ гдѣ-то прочиталъ.

В. П.—Ну а если 10 лѣтъ: такъ ты и по русскимъ законамъ успѣешь. *(Миша уходитъ какъ бы что-то высчитывая)*.

Къ этому времени почти вся публика разбрелась. Выходятъ изъ столовой нѣмки. Онѣ весело возбуждены отъ только что выпитого вина. Что-то говорятъ, смѣются).

Хозяинъ *(подавая телеграмму)*.—Мадамъ, вамъ телеграмма.

Роттермайеръ *(продолжая смѣяться, беретъ ее и читаетъ. Изъ груди ея вырывается страшный крикъ. Она пошатывается)*.

Мюллеръ.—Что съ вами, фрау? *(усаживаетъ ее)*.

Роттермайеръ.— Убить... убить мой... мой мальчикъ, мой сынъ, моя единственная радость! *(рыдаетъ)*.

(Всѣ удручены. Мюллеръ плачетъ).

Н. П. *(вся дрожитъ. Подходитъ къ рыдающей нѣмкѣ)*.—Милая, милая фру Роттермайеръ, успокойтесь, можетъ это еще не правда,—на войнѣ часто бываютъ ошибки.

Роттермайеръ.—Нѣтъ, нѣтъ, это правда, это телеграфируетъ его жена... Она уже получила его перстень, его вещи... Нѣтъ, нѣтъ это правда, правда! *(Рыдаетъ)*.

Н. П. *(гладитъ ее по волосамъ)*.—Что же дѣлать, воля Божья.

Роттермайеръ *(сбрасываетъ руки Н. П. Выпрямляется)*.—Оставьте, оставте меня! Мнѣ не нужно вашего сочувствія,—сочувствія врага! Можетъ быть, твой сынъ, твой варваръ убилъ моего мальчика, моего нѣжнаго бѣлокураго мальчика... Его тѣло растерзали... Когда ты увидишь своего сына, растерзаннаго нашими пулями, вотъ тогда ты узнаешь нашу месть. *(Пошатываясь, поддерживаемая Мюллеръ, она идетъ къ лѣстницѣ. Останавливается)*. Будь проклять твой сынъ! Посылаю ему свое материнское проклятье! Пусть его растерзають наши пули! Пусть птицы выклюютъ его глаза!

Н. П. *(вскрикиваетъ)*.—Перестаньте! перестаньте, умоляю

вась! (въ изнеможеніи опускается на стулъ, закрывая лицо руками).

Роттермейеръ (идетъ на верхъ. Останавливается на лѣстницѣ. Хозяину гостиницы).—Я сегодня уѣзжаю. Приготовьте счетъ.

Хозяинъ.—Хорошо, мадамъ (уходитъ. Пауза).

В. П. Зачѣмъ ты, сестра, заговорила съ ней? Очень нужно выражать свое состраданіе имъ! Это какіе-то звѣри!

Н. П. (задумчиво).—Нѣтъ, Вѣра, это горе говоритъ въ ней, такое горе, которое сразу разбиваетъ всѣ наши условности,—приличія. Да и зачѣмъ ей быть любезной, доброй со мной. Нѣтъ, чтобы она ни говорила, какъ бы ни оскорбляла—ей все можно простить; она права,—она мать. О, какъ я ее понимаю! Если, не дай Богъ, мнѣ бы пришлось быть на ея мѣстѣ, и я бы считала ее хотя бы косвенно виновницей моего горя. Можетъ быть я поступила бы такъ же, если не хуже. И когда я смотрѣла на ея искаженное страданьемъ лицо, я чувствовала, что это и моя участь. Да, да... я знаю (понижая голосъ), я знаю, Петя убитъ и не сегодня—завтра я получу такое же ужасное извѣстіе. Ахъ, Вѣра, я не могу и не хочу пережить его (плачетъ).

В. П.—Да что ты, Наташа. Почему такія мрачныя мысли?

Н. П.—Я такъ ясно представляю себѣ, что лежитъ онъ, голубчикъ, гдѣ-нибудь въ полѣ на сырой землѣ, въ крови, въ грязи.

В. П.—Ахъ перестань, вѣдь это невыносимо! Нѣмка разстроила тебя. Пойдемъ, пойдемъ, я тебѣ дамъ валерьянки.

Н. П.—Сегодня я видѣла его во снѣ. Онъ пришелъ ко мнѣ, на немъ бѣлая чистая рубашка и совершенно бѣлые сѣдые волосы.

В. П.—Пойдемъ, пойдемъ.

Н. П. (устало идетъ).—Пойдемъ. За все время ни одного извѣстія. Одно только письмо въ началѣ войны (уходитъ).

(Хозяинъ выноситъ и развѣшиваетъ объявленіе, написанное болѣе крупными буквами, чѣмъ тѣ, что висѣли раньше. «О политикъ прошу не говорить». Уходитъ. (Входитъ Фрицъ и еще нѣсколько мальчиковъ; у всѣхъ на головахъ сложенные изъ газетъ трехугольники, палки въ видѣ ружей и сабель въ рукахъ и привязаны черезъ плечо; нѣкоторые везутъ колясочки или просто колесики—это означаетъ пушки).

Фрицъ (*командуетъ*).—Смирно! Здѣсь мы садимся въ траншеи. Садитесь за стулья и будемъ поджидать врага. Мы нѣмцы и вотъ ждемъ Французовъ. (*Всѣ размѣщаются за стульями. Фрицъ лезетъ за столъ*). Здѣсь моя главная квартира. (*Дѣти смѣются*).

Фрицъ (*грозно*).—Тише! (*Пауза*).

Мальчикъ (*вылѣзая изъ подъ стула*). — А я не хочу быть нѣмцемъ! Я хочу быть французомъ.

Фрицъ (*серьезно*).—Теперь уже поздно! — Война началась,—нужно было раньше заявить. (*Грозно*). Тише! (*мальчикъ спрятался*).

Мальчикъ (*опять вылѣзая, плаксиво*). — А я не хочу быть нѣмцемъ!

Фрицъ (*кричитъ*).—Смирно!

Мальчикъ.—Ну, такъ я не буду играть. (*Бросаетъ ружье*).

Фрицъ (*зло*).—Не смѣешь, не смѣешь! (*Суетъ ему въ руки ружье и толкаетъ на мѣсто. Мальчикъ плача лезетъ за стулъ. Входятъ Миша, Дина, Алиса и еще два мальчика. Одѣты такъ же*).

Миша.—Тише, тише. Тутъ навѣрное гдѣ нибудь засѣли нѣмцы. (*Дѣвочки пугливо взвизгиваютъ*).

Фрицъ (*вылѣзая*).—Это не война! Зачѣмъ здѣсь дѣвченки? Я не воюю съ дѣвченками.

Миша.—Что, струсиль нѣмецъ? Я въ газетахъ читаль, что ваши солдаты убиваютъ женщинъ и дѣтей, значить вы воюете съ женщинами. (*Всѣ смѣются поддразнивая Фрица. Всѣ довольны*).

Мальчикъ (*вылѣзая*).—Я перейду въ вашу армію, я не хочу быть нѣмцемъ.

Фрицъ (*золь до слезъ*).—Не смѣешь, не смѣешь! Ты измѣнникъ! (*Хватаетъ мальчика и бьетъ*).

Миша (*бросается на него. Крикъ, шумъ, вбѣгаетъ хозяинъ, разнимаетъ дерущихся. Выходитъ бонна, успокаиваетъ побитаго мальчика*).

Мальчикъ (*плача идетъ и все повторяетъ*). Ну, если я не хотѣлъ быть нѣмцемъ!

(*Фрица уводитъ гувернантка. Хозяинъ стоитъ ошеломленный шумомъ, потомъ идетъ за конторку и быстро, усердно*

пишетъ и вывѣшиваетъ объявленіе крупными буквами «Прошу въ войну не играть», потомъ ставитъ на мѣсто сдвинутыя стулья, гаситъ люстру. Остаются только стоячія лампы, свѣтъ отъ которыхъ падаетъ бликами; сцена Н. П. и Рот. должна происходить въ одномъ изъ этихъ бликовъ).

Н. П. (Сходитъ съ лѣстницы, подходитъ къ ящикамъ и смотритъ нѣтъ ли писемъ). Нѣтъ писемъ,—ничего нѣтъ (Вынимаетъ изъ сумочки). Можетъ быть вотъ это первое письмо будетъ послѣднимъ. (читаетъ) «Милая мамочка, я призванъ на войну. Завтра выступаемъ! Я счастливъ и гордъ. Настроене, вообще у всѣхъ призываемыхъ, отличное. Большой подъемъ! Всѣ идемъ на войну съ величайшей радостью. Единственно огорчаетъ меня то, что я ѣду не повидавшись съ тобой и что ты не перекрестишь меня на дорогу, а я не поцѣлую твоихъ нѣжныхъ дорогихъ рукъ. Цѣлую васъ всѣхъ. Петя» (Задумчиво поникла головой. Входитъ Роттермайеръ. Одѣта въ черное по дорожному. Держится бодро. Нервно прошла по комнатѣ, не видя Н. П. Смотритъ на часы. Увидала Н. П. подходитъ къ ней).

Роттермайеръ (видя у Н. П. письмо въ рукахъ). Вы получили письмо, мадамъ? отъ сына?

Н. П. Нѣтъ, это давнишнее.

Роттермайеръ.—А я вчера получила письмо отъ него но оно слишкомъ долго шло, (достаётъ его изъ сумочки, читаетъ) «Мама, пишу письмо, лежа въ окопахъ, но иначе ты не получишь его въ день твоего рожденія. Поздравляю тебя и жалѣю, что самъ не могу поцѣловать твои милые сѣдые волосы... (не можетъ читать). Онъ тамъ въ окопахъ помнилъ день моего рожденія—и его уже нѣтъ! Вотъ эти руки, которые писали это письмо, онѣ уже холодны... О, ужасная вещь война! Вы, мадамъ, счастливѣе меня, вы еще не знаете. А если вашъ сынъ и будетъ убитъ,—у васъ еще есть дѣти, а у меня никого нѣтъ, кромѣ него. Одна, совсѣмъ одна; и куда я пойду, куда я дѣнусь—не знаю. (Пауза. Глокаетъ слезы). И куда я ѣду сейчасъ? Зачѣмъ,—тоже не знаю—ну все равно. (Пауза. Тихо). Какъ умеръ онъ? Гдѣ лежитъ его нѣжная бѣлокурая голова, которая такъ часто лежала на моихъ колѣняхъ... можетъ быть онъ звалъ меня какъ привыкъ звать всегда, когда ему было плохо и въ этотъ послѣдній часъ. (Входитъ портъ съ чемоданомъ).

Портъе.—Мадамъ, пора уже ѣхать. (*Уходитъ въ выходную дверь*).

Роттермайеръ.—(*Прихдя въ себя*). Хорошо сейчасъ. (*Идетъ за нимъ возвращается*). Адъе, мадамъ. (*Неръшительно протягиваетъ руку Н. П. стремительно пожимаетъ ее*).

Роттермайеръ.—Желаю вамъ благополучія возвратиться на родину и чтобы вашъ сынъ тоже вернулся здоровымъ и невредимымъ. (*Н. П. Плачетъ*).

Н. П. Благодарю, благодарю васъ. (*Хочетъ говорить*).

Роттермайеръ.—(*Останавливая ее*). Не надо, не старайтесь говорить слова утѣшенія. Для меня ихъ нѣтъ. (*Тихо скрывается за дверь. Ея черное платье сливается съ темнотой ночи. Н. П. опускается на стулъ. Тихо плачетъ*).

УЧ 185

Занавѣсъ.

Къ представленію дозволено драматич. цензурой за № 14161,
31 октября 1914 г.

„ЛИКИ ВОЙНЫ“.

ПРОЛОГЪ.

Выходить римскій воинъ въ походномъ одѣяніи легіонера...
Въ рукахъ труба.

Воинъ. Звенить труба, встають легіоны, желѣзной нитью тянутся они по Аппіевой дорогѣ... Мраморный Римъ одѣвается сталью оружія... Уходятъ смущенныя музы, уходятъ изнѣженные философы и риторы, снимають съ своихъ головъ вѣнки изъ красныхъ розъ эпикурейцы и надѣвають желѣзные шлемы... Звенить оружіе и кто-то убѣгая оставилъ въ прекрасномъ саду около разбитой статуи арфу съ сорванными струнами. Ихъ звукъ медленно умираетъ, а труба звенить все громче. Война! Надрываются центуріоны, устанавливая когорты, военачальники собрались у холма. Мой Богъ Марсъ проснулся и, потягиваясь, одѣваетъ латы. Война! Мы пойдемъ по прекраснымъ долинамъ, мы понесемъ смерть и разрушеніе... Уже сейчасъ тамъ въ горахъ женщины, дѣти плача убѣгаютъ, мужчины готовятся къ смерти. Нашъ полководецъ шутить не любить, мы пройдемъ, какъ огненный смерчъ; горе врагамъ. Война. Она несетъ ужасъ. Но она несетъ и красоту... Въ войнѣ есть кровь и есть лавры вѣнковъ, которые украшаютъ головы героевъ. Страшную картину представляетъ поле сраженія съ трупами, но на этихъ костяхъ вырастетъ свѣтлый и воздушный храмъ любви. Война и любовь—родныя сестры. Многоликъ мой Богъ Марсъ. Многограненъ его ликъ. Есть тутъ и смерть, и кровь, и горе и радость, и красота... Смотрите на лики моего Бога и вспомните о насъ, на костяхъ которыхъ построена Ваша жизнь... Звенить труба, встають легіоны, желѣзной нитью тянутся они по Аппіевой дорогѣ... Впередъ! Трубы сигналъ! (*Уходитъ*).

Театръ „Корша“.

Сцена 2-ой картины.

Постановка В. К. Татищева.

Дек. худ. Костина.

Фот. С. Манухина.

„Черкешенка“^{*)}

Этюдъ первый.

Я. Львова.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА;

Князь Аргутинскій, начальникъ отряда.

Майоръ Ивановъ, комендантъ укрѣпленія.

Субботичъ, прапорщикъ.

Джансеидъ, наибъ Шамиля.

Салтанеть, горская дѣвушка.

Ерофеичъ)

Потаповъ) солдаты.

Дѣйствіе происходитъ въ небольшой линейной крѣпости въ Дагестанѣ, въ 50-хъ годахъ ХІХ столѣтія.

Сцена представляетъ мѣсто около крѣпостной стѣны небольшой заброшенной кавказской крѣпости—линейной. Видны крѣпостныя домики и мечеть. За стѣной—даль. На горизонтѣ синія горы Дагестана четко выдѣляются на глубокой лазури южнаго неба. Суровая красота мѣста плохо гармонируетъ съ сѣрыми обыденными тонами крѣпости. Слышны перекликающиеся голоса часовыхъ.

*) Представлена въ 1-й разъ въ Москвѣ, въ театрѣ Корша, 14-го ноября 1914 года.

При поднятіи занавѣса сцена пуста. Гдѣ-то далеко, далеко вспыхиваетъ пѣсня и приближается все ближе и ближе. Голоса солдатъ поютъ— Алла-верды—Господь съ тобою. Группа солдатъ проходитъ къ крѣпости. Коренастыя, неладно скроенныя, но крѣпко сколоченныя фигуры...

Ерофеичъ. — (*Старый солдатъ — Ермоловецъ*). Да, братцы... Алексѣй Петровичъ шутить-то не любилъ... Орель былъ, одно слово. Теперь народъ-то пошелъ жидкій, а при Алексѣе Петровичѣ не то было... Хотя и теперь... Какъ въ Сухарную-то мы ходили, такъ что было. Лѣземъ мы братцы день, лѣземъ два, лѣземъ недѣлю... Подъ самое небо подобрались, дорога такая, что джейранъ пройдетъ, осетинъ пройдетъ, татарва гололобая пройдетъ, а крещеному, православному никакъ не пройти... А мы съ пушками. Мосты такіе, что какъ ножикъ раскрытый... У моста башня, а въ башнѣ гололобые... мирюды. Что народу полегло... Страсть... Ну, да вѣдь разъ приказано взять, то возьмемъ... Русскій солдатикъ чего не возьметъ... Ну, идемъ... плохо, но идемъ, вдругъ ровъ—дождь промыль... Людямъ можно перейти кос-какъ... Можно. Ну, а орудія-то не перетащить ни въ жисть... А безъ орудія къ аулу нельзя и сунуться... Изрѣштятъ... Постояли мы, постояли... Вдругъ одинъ изъ старыхъ нашихъ Ермоловцевъ выходитъ, крестится, да ложится на дно рва... За нимъ еще нѣсколько... Такъ ровъ и наполнили... Какъ орудія-то въѣхали на живой то мостъ, да какъ кости затрещали, да кровь брызнула, такъ мы заплакали, ей Богу. Ну, перевезли орудія... А тѣ-то тутъ же около рва умираютъ... Спины имъ переломило... Лежать, умираютъ, а мы около, какъ бабы, режемъ... Ну и дрались же мы потомъ какъ звѣри... Салты аулъ взяли, самое разбойничье гнѣздо...

Потаповъ—*молодой солдатъ*. А что, дядя, Шамиля—ты видѣлъ когда?

Ерофеичъ. — Вотъ какъ тебя вижу. Въ Самурскомъ укрѣпленіи мы стояли. Обложили насъ—штурма—одно слово... Лезгиновъ видимо—невидимо... Свиньемъ навалило... А у насъ горсть... Ну да отбились конечно... Такъ вотъ Шамиль сколько разъ къ стѣнамъ-то подъѣзжалъ. Самъ высокій—борода рыжая... То же орель. Разъ подъѣхалъ, посмотрѣлъ таково пронзительно... Выслалъ лака, что по русски говорить умѣетъ Шамиль говорить шлетъ уваженіе защитникамъ крѣпости...

Ну нашъ-то сейчасъ подь козырекъ, а Шамиль руку къ сердцу приложилъ и поѣхаль... Орель...

Потаповъ. Вотъ мы, орлу хвостъ-то и прижмемъ...

Ерофеичъ. Ну не очень то хвались... Прижать-то прижмемъ, а хвалиться нечего... Шамиль серьезный непріятель и мирюды его умирать здоровы... Такъ и нарываютъ подь штыкъ... А почему—потому наэ томъ свѣтъ—бабы ему нѣтъ, а на томъ свѣтъ баба ему обѣщана... изъ за бабы и старается.

Потаповъ.—Теперь-то долго не сунутся... Расчистили ихъ здорово...

Ерофеичъ.—Эхъ, ты... Рассея матушка! Смыслишь ты много въ войнѣ. Не сунутся... А вотъ увидимъ, какъ, не сунутся...

Я сегодня въ воздухѣ-то кровь чую... Старая я собака... Чую подь землей даже; не нравится мнѣ сегодня покой, и шмыгають по горамъ тѣни, охъ какъ шмыгають... И чакалки воють... Да по ночамъ маяки горять... Непокойно въ горахъ.

Потаповъ. Да, тутъ обрушатся на насъ, да какъ крысь въ ловушкѣ и передавятъ и никакихъ воинскихъ трофеевъ не будетъ.

Ерофеичъ. Эхъ, ты! Трахвей тоже! Да развѣ солдату бояться полагается. Солдаты разсуждать не должонъ. Прикажутъ драться... Драться будемъ... Умирать придется, умирать будемъ... Крѣпость не сдадимъ, это такъ... Ну нечего разговаривать. Помогай нести.

Потаповъ. *(Помогаетъ нести тушу кабана; взваливаютъ ее на плечи и идутъ).*

(Выходятъ прапорщикъ Субботичъ и майоръ Ивановъ съ прогулки, обмахиваясь фуражками).

Ивановъ.—А, Ерофеичъ. Кабана порѣшили?

Ерофеичъ.—Такъ точно, Ваше Высокородіе.

Ивановъ. Что же, кабанъ полегче Шамиля-то будетъ.

Ерофеичъ. И до Шамиля дойдемъ, Ваше Высокородіе и его такъ понесемъ...

Ивановъ. Ну, братъ Шамиль—не кабанъ. А что, братъ Ерофеичъ, кавказскій у тебя носъ-то. Ничего ты не чуешь?

Ерофенчъ. Какъ не чуютъ, Ваше Высокородіе...—Тянетъ дымомъ

Ивановъ.—Ну вотъ, старикъ, то же я и говорю. Ну идите съ Богомъ.

Ерофеичъ, Потаповъ и солдаты.—Счастливо оставаться, Ваше Высокородіе. (*Уходятъ*).

Ивановъ и Субботичъ.—Медленно садятся на бревна. Часовые кричатъ—слушай!... слушай!...

Ивановъ.—Вы тамъ у себя въ Петербургѣ сквозь розовые очки на все смотрите. Генераль Чернышовъ хочетъ Шамиля розовой водицей взять... Онъ хочетъ видите-ли, цивилизаціей Кавказъ покорить. Мы старые кавказцы скажемъ вамъ на это—нѣтъ. Это оставьте вашимъ Петербургскимъ будуарамъ. Вы не подумайте, я уважаю и врага... У меня сколько кунаковъ среди набовъ Шамиля... Да и большой человекъ Шамиль... Весь Дагестанъ и всю Чечню какъ поднялъ. А мюриды... Люди, которые въ смерти видятъ счастье... Ну вотъ поэтому-то я и говорю—Михаиль Семеновичъ правъ, намъ нельзя жантильничать... Это не плащ-парадъ, на Марсовомъ полѣ.. Это, батенька, война. Для насъ одинъ способъ покорить Кавказъ—желѣзомъ и кровью...

Субботичъ — *молодой, восторженный офицеръ*, — *задумался*—Вы знаете, маіоръ, когда я смотрю на эти суровыя горы, на эти стѣны, когда я вижу, какъ тамъ на горахъ зажигается трепещущее пламя костровъ и бѣгутъ тревожныя, длинныя тѣни, когда я думаю о нашихъ врагахъ, мнѣ кажется, что никогда я не былъ въ Петербургѣ, никогда не танцевалъ въ освѣщенномъ залѣ, наполненномъ блестящими мундирами и изящными, тонкими, задумчивыми женщинами; мнѣ кажется, что мы живемъ въ самомъ настоящемъ средне-вѣковьи. А наши враги—всѣ, эти беки и аги, сколько благородства и величавой покорности судьбѣ.

Ивановъ.— Да ужъ, батенька, это вамъ не Петербургъ... Средневѣковья сколько хотите. Есть у насъ юнкеръ—лезгинь... Лихой малый... Такъ вотъ на дняхъ дядя его Джансеидъ, наибъ Шамиля присылаетъ ему вызовъ... на судъ Аллаха... Помѣряться силами... и пусть Аллахъ рѣшитъ, кто изъ нихъ правъ... Такъ вотъ нашъ Ахметъ такъ и

рвется въ бой съ нимъ... Что и говорить, средневѣковье... Да намъ-то надо разрушить это средневѣковье...

Субботичъ.—Ахъ, маіоръ. Вы знаете, какъ-то пеловко мы пришли незванными въ эти горы. Мы спугнули шедшую здѣсь до насъ простую, но красивую по своему жизнь... Мы принесли смерть и гибель... Не можемъ же мы рассчитывать чтобы насъ встрѣтили съ распростертыми объятіями.

Ивановъ.—Милый мой мальчикъ! Война—это война... Не наше дѣло разсуждать... Наверху знаютъ, что дѣлаютъ. Мы солдаты и наше дѣло умирать... Мы умремъ здѣсь въ этихъ горахъ такихъ суровыхъ, но наша кровь не пропадаетъ даромъ, она впитается въ эту землю и изъ нея выростетъ здѣсь настоящая красивая жизнь, въ которой не будетъ ни Шамиля, ни смерти. Но для этого надо прежде смести то, что есть желѣзомъ и кровью... Да кровью... Батенька, весь міръ построень на крови солдата... Вотъ у Васъ тамъ—въ Россіи—жизнь идетъ... А на чемъ эта жизнь построена—на солдатской крови... Такъ-то, батенька, такъ сантиментальничать нечего... Петербургскимъ-то фазанамъ хорошо. Они насъ упрекаютъ, что мы въ дѣло рвемся, такъ какъ орденовъ ищемъ. Такъ вамъ-то голубчикъ видно, такъ это или не такъ.

Субботичъ.—Да объ этомъ что и говорить. Одно скажу—женщинъ мнѣ жаль...

Ивановъ. (*Лукаво*).—Да мы, батенька, кое-что слышали. Знаемъ, знаемъ. Такъ вѣдь нашъ-то солдатъ никогда съ женщинами и дѣтьми не воюетъ. На что, когда Салты брали, какое озвѣреніе было, бабы и ребятишки изъ ружей палили, а знаете одинъ нашъ Ерофеичъ трехъ спасъ... Дѣвочку нашли... такъ полкъ подобралъ...

Субботичъ. (*Покраснѣлъ*).—Не подумайте, пожалуйста, маіоръ, чтобы я... Я вообще говорю... Война ужасная вещь... Люди черствѣютъ въ войнѣ... И я такъ счастливъ, что Вы старый кавказецъ, а сердце у васъ золотое...

Ивановъ.—Ну. будетъ, прапорщикъ... Что это мы съ вами расчувствовались, какъ институтки... (*Очень задумчиво*).—Знаете, Субботичъ, разбередили вы у меня старыя раны... 25 лѣтъ не былъ я въ Россіи. Мать у меня тамъ, въ Орловской губерніи, и сестренка... А я ужъ и лица забывать сталъ... Деньги только имъ посылаю... Да вотъ образокъ мать недавно прислала... Эхъ, Субботичъ, не спокойно у

меня на душѣ сегодня что-то... Давить... Вотъ увидите и вспомните мое предчувствіе...

Субботичъ.—Полно, маіоръ, взгляните, какъ хороша вечеръ. Какъ красивы горы, какъ легко вътерокъ... Въ такой вечеръ не хочется думать о смерти, о войнѣ...

Ивановъ.—Правильно. Возьмемъ себя въ руки. Ну-съ, пойдѣмте-ка...

Субботинъ.—Нѣтъ, я еще погуляю... немного...

Ивановъ.—Такъ понимаю, голубчикъ, понимаю... Ну-съ, а я пойду посты провѣрять. А что, милый, вы правы, тужить не о чемъ! Укрѣпленіе не будетъ никогда сдано. Пороху у насъ много и въ случаѣ чего я не задумаюсь ни на минуту... Крѣпости мы не сдадимъ...

Субботичъ.—Да наши солдаты и словъ такихъ не знаютъ. На Кавказѣ не сдаются и умираютъ. и Шамиль не рассчитываетъ вѣроятно на сдачу.

Ивановъ.—Ну, я также очень счастливъ, прапорщикъ, что вы такъ недавно на Кавказѣ, а душа у васъ стараго кавказца... Давайте руку! Пошелъ провѣрять посты. (*Уходитъ и сейчасъ же возвращается*). Но, батенька, смотрите будьте-ка осторожнѣе въ своихъ приключеніяхъ. Мы то вѣдь знаемъ, что вы все лѣто изучали звѣзды ночью вонъ тутъ за крѣпостью, подъ кизиловымъ кустомъ... Да смотрите, здѣшнія гуріи привлекательны, но опасны... Какъ бы послѣ одного изъ свиданій не очутиться вамъ ночью въ Кой-су съ красной мѣткой на лѣвой сторонѣ груди... Вѣдь всѣ здѣшнія гуріи—немного Тамары...

Субботичъ.—Ну нѣтъ, объ этомъ я не беспокоюсь...

Ивановъ.—Ну какъ знаете, прощайте, юноша. (*Уходитъ*).

Субботичъ.—(*Задумчиво*).—Какая ночь... Какимъ глубокимъ покоемъ дышатъ горы... Какъ сребритъ луна струю Кой-су... А гдѣ-то тамъ вдали льется кровь... Краснымъ огнемъ горитъ Альдебаранъ—твоя звѣзда, Шамиль! (*Встаетъ и идетъ потихоньку. Тѣнь часового перестѣкаетъ дорогу*).

Часовой.—Кто идетъ?

Субботичъ.—Свой.

Часовой.—Пароль?

Субботичъ.—Ермоловъ.

Часовой.—Отзывъ?

Субботичъ.—Дарго.

(Часовой отдаетъ честь, скрывается. Слышно длинное-длинное—слушай, слушай)...

Субботичъ.—*(Проходитъ и негромко свиститъ. Тѣнь женщины спускается съ горы и страстнымъ, нѣжнымъ движеніемъ бросается къ нему. Она въ костюмъ горской женщины).*

Субботичъ.—Это ты, моя Салтанетъ! Ты козочка!

Салтанетъ.—Я, мой Коля, мой русскій, мой любимый.

Субботичъ.—Какъ долго ты не приходила, я такъ мучился, пока ждалъ тебя.

Салтанетъ.—Я не могла придти къ тебѣ, мой русскій. Ты знаешь, что дѣлается въ горахъ... Горятъ костры. Будунъ кричить съ минарета... Газавать... Мужчины стали подъ зеленое знамя пророка... Я помогала собираться своему брату... Но это ничего, я люблю тебя больше всего на свѣтѣ, мой русскій, мой Коля...

Субботичъ.—Какъ мило говоришь ты—любю... Ну моя козочка, скажи люблю, понимаешь, повторяй за мной—люблю, люблю...

Салтанетъ.—Любіу, любіу... *(Жаркій поцѣлуй).*

Субботичъ.—*(Обнимая Салтанетъ).*—Ты такая тоненькая, такая нѣжная... Ты какъ соловей... Какъ по вашему—шейда бюль-бюль... Помнишь прошлую весну, какъ звенѣлъ тогда въ кустахъ соловей, когда я поцѣловалъ въ первый разъ твои красныя, горячія губки... Моя Тамара, моя черкешенка, птичка...

Салтанетъ.—Какая птичка. Вотъ какъ бюль-бюль... Да...

Субботичъ.—Ты моя птичка, моя маленькая птичка... Ты вся дрожишь, мое сокровище, тебѣ холодно...

Салтанетъ.—Нѣтъ мнѣ стало жарко отъ твоихъ губъ.. Иди ко мнѣ подъ бурку, мой русскій, я согрѣю тебя... Маленькій бюль-бюль согрѣетъ большого, большого русскаго... Положи на колѣни ко мнѣ твою голову...

Субботичъ.—Моя маленькая Салтанетъ.

Салтанетъ.—Маленькая, все маленькая... я не ма-

ленькая... Мнѣ уже пятнадцать лѣтъ... За меня сватается Гассанъ-Ага... Онъ удалой джигитъ, хотя и старый... У него борода длинная, длинная, рыжая, хной выкрашена... Его самъ Шамиль знаетъ... Онъ и калымъ моему отцу даетъ... Богатый калымъ... 500 головъ, что отбилъ у русскихъ за Грознымъ...

Субботичъ.—Но я не отдамъ тебя твоей крашеной бородѣ, не отдамъ. Я не отдамъ никому тебя, моя птичка...

Салтанетъ.—Да я и не уйду отъ тебя никогда. Я первый разъ какъ увидѣла тебя, такъ мое сердце сразу дрогнуло... Люби меня, мой русскій. Люби. Забудь о холодныхъ сѣверныхъ красавицахъ. Я такъ согрѣю тебя... Я достану солнца кусокъ, прикрѣплю къ себѣ на грудь и оналю тебя, русскій...

Субботичъ.—Какъ хорошо намъ съ тобой... Тамъ внизу Кой-су рассказываетъ какую-то восточную сагу... А тутъ эта сага разыгрывается на-яву... Какъ хорошо... какъ далеко... отошелъ Петербургъ съ его холодными туманами, съ его каменными домами и каменными людьми... Боже мой...

Салтанетъ.—Что ты говоришь, мой русскій. Я не понимаю тебя... Ахъ. не говори такъ... Когда ты такъ говоришь, я чувствую, что тебя отнимутъ у меня... Ты уйдешь туда далеко, далеко и забудешь маленькую Салтанетъ...

Субботичъ.—Нѣтъ, крошка, я не забуду тебя... Обними меня покрѣпче... *(Поцѣлуй. Неясный гулъ, отдаленный глухой выстрѣлъ).*

Субботичъ.—*(Отрывается сразу).* Что это такое... Ты слышишь?

Салтанетъ.—*(Прикладываетъ ухо къ землѣ)*—Это кони... Много, много коней... Сверху, съ горы... Это Шамиль... Скорѣй спасайся, бѣги... Аллахъ! Аллахъ! Помоги ему Аллахъ...

Субботичъ.—Бѣги скорѣй домой... Бѣги!

(Салтанетъ убѣгаетъ. Субботичъ выхватываетъ изъ кармана пистолетъ и стрѣляетъ въ воздухъ).—Кричитъ.—Тревога, нападеніе... Готовься... *(Въ крѣпости движеніе, шумъ).*

Субботичъ.—*(Бѣжитъ къ крѣпости, и кричитъ):*—Скорѣй, защищайся... Къ валу, къ валу... Заваливай входъ... *(Сильное движеніе).*

Голосъ Иванова.—Всѣ по мѣстамъ... Канониры къ орудіямъ...

Голосъ Ерофеича.—Ну-ка, братцы, теперь не по кабану, а по гололобамъ...

(Завываніе горцевъ... Перестрѣлка... Темнота на сценѣ. Снова свѣтъ загорается. Прошло нѣсколько дней. Крѣпость отчаянно защищалась отъ обложившихъ ее полчищъ Шамиля... Перебито большинство защитниковъ... Мюриды подъ самыми стѣнами... Передъ послѣднимъ штурмомъ... Часовые... На барабанъ сидитъ Ивановъ... Около него Субботичъ... Сзади нѣсколько солдатъ)...

Ивановъ.—Ну что Павелъ Петровичъ, смѣялись надъ предчувствіемъ, а что вышло... Умирать надо... Никакой, батенька, надежды ужъ больше нѣтъ...

Субботичъ.—Надежда всегда есть... Развѣ не чудо, что мы отбиваемся съ нашей горстью отъ 30-ти значковъ... Развѣ не чудо вчерашняя вылазка Ерофеича за водой...

Ивановъ.—Такъ-то оно такъ, а все-таки плохо... Надо сказать солдатамъ, чтобы чистыя рубахи одѣвали... Недаромъ сейчасъ тихо, это передъ послѣднимъ штурмомъ... Готовятся... Главное, что обидно, всѣхъ лучшихъ людей потеряли, а толку никакого... Ну да теперь мы готовы... Подпустимъ ихъ поближе, пусть ворвутся въ крѣпость, а потомъ Ерофеичъ фитиль приложитъ и сами взлетимъ и мирюды съ нами...

Субботичъ.—Что-жъ судьба. Кысметъ — какъ говорятъ наши враги... Значитъ не суждено мнѣ увидѣть Петербургъ...

Ивановъ.—Денегъ матери не пришлось переслать, вотъ что обидно... Такъ со мной деньги и взлетятъ...

Солдатъ. *(Вбѣгаетъ)*. Такъ что Ваше Высокородіе, три лезгина показали со значкомъ... безъ шашекъ и кинжаловъ... Машутъ бѣлымъ, такъ что прикажете...

Потаповъ.—А вотъ я ихъ пугну *(Хочетъ прицѣлиться)*.

Ерофеичъ.—*(Толкаетъ его)*.—Эхъ, ты, трахвей несчастный... Я тебя по шеѣ пугну—то...

Ивановъ.—Молчать.—Пропустить лезгинъ. *(Субботичу)*. Это еще что за новость?

(Входитъ Джансеидъ—наибъ Шамиля, сзади два пукера, одинъ съ зеленымъ значкомъ. Красивый немолодой горецъ полонъ спокойнаго благородства).

Джансеидъ.—Да славится имя пророка во вѣки вѣковъ. Нѣтъ Бога, кромѣ Бога и Магометъ его пророкъ... Отъ храбрыхъ храбрымъ... (*Кланяется... Прикладываетъ руку ко лбу, рту и сердцу*). Великій Имамъ Чечни и Дагестана Шамиля шлетъ защитникамъ крѣпости привѣтъ.

Ивановъ.—Чего желаетъ Имамъ?

Джансеидъ.—Я узнаю тебя, комендантъ. Съ твоимъ плечомъ поцѣловалась моя шашка, а у меня на груди слѣдь твоего пистолета...

Ивановъ.—Привѣтствую васъ, Джансеидъ—наибъ. Вы храбрый и благородный воинъ. (*Жметъ руку*).

Джансеидъ.—Пути Аллаха неисповѣдимы... Военное счастье измѣнчиво... Сегодня Аллаху угодно было отвернуть лицо побѣды отъ васъ, урусъ... Но вы храбро бились... Вы перебили лучшихъ наивовъ... Лучшихъ мюридовъ— вы отправили въ рай къ гуріямъ... Имамъ цѣнитъ храбрость. Онъ дѣлаетъ тебѣ предложеніе комендантъ.

Ивановъ.—Я слушаю, наибъ.

Джансеидъ.—Имамъ предлагаетъ тебѣ сдать укрѣпленіе... (*Ивановъ дѣлаетъ рѣзкое движеніе*). — Не сердись, джигитъ! Твое положеніе безнадежно... Крѣпость обложена. Васъ осталась горсть... Одинъ натискъ и крѣпость падетъ... Вы доказали храбрость... Имамъ щадитъ васъ... Положите оружіе... Вы выйдете изъ крѣпости... Имамъ пропуститъ Васъ и дастъ отрядъ, который проводитъ Васъ до князя Аргутина... Покорись Аллаху, комендантъ...

Ивановъ.—Особа посла священна, а то бы давно тебѣ моя шашка отвѣтила, наибъ... Благодари Имама, скажи ему, что русскіе не знаютъ слова сдаться...

Джансеидъ.—Другого отвѣта я не ждалъ отъ тебя, урусъ... Сегодня тебѣ Аллахъ пошлетъ Азраила, а завтра мнѣ.—Прощай, урусъ. Да пошлетъ мнѣ Аллахъ встрѣтить тебя въ бою грудь о грудь...

Ивановъ.—Прощай, наибъ... Эй, проводить наива... (*Джансеидъ уходитъ*).

Ивановъ.—Ну, теперь конецъ. Прапорщикъ Субботичъ. Возьмите остатокъ людей. Примите на себя ударъ. Старайтесь уложить какъ можно больше враговъ. Быстро отступите къ крѣпости... Завлеките побольше наивовъ... Быстро отойдите по направленію къ пороховому складу, а тутъ ужъ

мы съ Ерофеичемъ ждять будемъ. Ну прощайте, голубчикъ... Давайте поцѣлуемся... Если чудо будетъ—живы останетесь, матери деньги передайте... Прощайте—съ Богомъ...

Субботичъ.—Прощайте, маіоръ. (*Цѣлуются. Уходитъ*).

Потаповъ.—Чего зря умирать-то. Предлагаги вѣдъ сдать, такъ чего тамъ

Ивановъ.—(*Услышалъ*).—Связать его. (*Потапова связываютъ*).

Ерофеичъ.—Ваше Высокородіе помилуйте, вѣдъ онъ это по глупости. Нешто русскій солдатъ о сдачѣ когда говоритъ. Помилуйте, я ему ужъ по шеѣ наложу по первое число...

Ивановъ.—Отпустить его. На твою отвѣтственность старикъ.

Ерофеичъ.—Ну ты, трахвей несчастный. Становись со мной... Рубашка-то у тебя есть чистая?..

Потаповъ.—(*Убитымъ голосомъ*).—Нѣту, дядя.

Ерофеичъ.—У меня двѣ. На, возьми чистую. Не гоже въ грязной рубашкѣ къ Богу итти.

Потаповъ.—Ваше Скородіе, дозвольте мнѣ съ прапорщикомъ впередъ итти, въ первую шеренгу...

Ивановъ.—Иди.

Ерофеичъ.—То-то, братъ, наконецъ челоуѣкомъ сталь. (*Шумъ битвы*).

Ивановъ.—Ну, ребята, на молитву. (*Снимаютъ шапки, молятся*).

Ивановъ.—Я Отче нашъ начну читать, какъ до конца дойду, такъ Ерофеичъ и запаливай.

Ерофеичъ.—Гололобыхъ-то что переколѣчимъ. Страсть...

Ивановъ.—(*Тихо и торжественно*).—Отче нашъ, иже еси на небеси, да святится имя Твое, да пріидеть царствіе Твое... (*Сильный шумъ*).

(*Безъ шапки, съ шашкой въ рукахъ вбѣгаетъ Субботичъ*).

Субботичъ.—Побѣда, маіоръ, побѣда! Шамиль уходитъ. Мюриды отступаютъ въ паникѣ...

Ивановъ.—Да что такое, что случилось?

Субботичъ.—Отрядъ князя Аргутинскаго обошелъ Шаминия, разбилъ его и подходитъ къ крѣпости. Значки Шамиля снимаются. Самъ Имамъ ускакалъ въ Гунибу. Казаки его преслѣдуютъ... Чудо, маіоръ, чудо...

Ивановъ.—*(Проводя рукой по лицу)*.—Значить не судьба, а я такъ хорошо приготовился умереть... Такъ далеко отъ меня отошло все земное... Ну что же, успѣемъ умереть... Поживемъ, прапорщикъ.

Субботичъ.—Поживемъ, маіоръ, поживемъ. Хотя мнѣ почему-то казалось, что я умру сегодня. Послѣдніе остатки мюридовъ засѣли въ лощинѣ, отрядъ князя ихъ выбиваетъ. Сейчасъ князь войдетъ въ крѣпость.

Ивановъ.—Пойдите, голубчикъ, встрѣтите его.

Субботичъ.—Слушаю. *(Идетъ)*. *(Вдругъ взмахиваетъ руками и падаетъ)*.

Ивановъ.—*(Бросается къ нему)*—Наповаль!

Ерофеичъ.—На излетѣ паршивая хватила-то, не захотѣла одна умирать... А храберъ былъ... Настоящее барское дитє. Храберъ былъ, царствіе ему небесное.

Ивановъ.—Кысметъ. Не ушель...

(Входитъ князь Аргутинскій, сзади слѣдуетъ адъютантъ и Салтанетъ).

Аргутинскій.—Слава храбрымъ. Здравствуйте, маіоръ. Вы держались геройски. Князь шлетъ вамъ солдатскаго Георгія. Вамъ и молодцамъ солдатамъ... А знаете, кому Вы обязаны своимъ спасеніемъ.

Ивановъ.—Кому?

Аргутинскій.—Вотъ этой дѣвушкѣ... Эта героиня пробила черезъ непріятельскія полчища и дала знать о нападеніи Шамиля. А то я имѣлъ ложныя донесенія о томъ, что Шамиль предпринялъ движеніе на правый флангъ. Она же провела отрядъ сюда кратчайшимъ путемъ... Она также пожалована Георгіемъ... и будетъ отправлена въ Тифлисъ. Ес желаетъ видѣть князь Михаилъ Семеновичъ и княгиня. Доблесть женщины не есть только принадлежность среднихъ вѣковъ, она встрѣчается и въ наши дни...

Ивановъ.—*(Всматривается)*—Да вѣдь это Салтанетъ, любовь Субботича...

Аргутинскій.—Мы такъ и думали, что тутъ замѣшана любовь. Гдѣ-жъ герой?..

Ивановъ.—Прапорщикъ Субботичъ убитъ... Вотъ его тѣло...

Салтапетъ.—*(Замѣтила прапорщика, бросилась съ воплемъ къ его тѣлу)*—Коля, Коля, русскій, ты не умерь...нѣтъ...

(Рветъ волосы, быстро выхватываетъ кинжалъ и ударяетъ въ грудь. Падаетъ мертвой).

Аргутинскій.—Несчастливая! Любовь сильнѣе и войны и смерти... Настоящій романъ... Расскажи въ Петербургѣ, никто не повѣритъ. *(Громко)*.—Надѣть на мертвыхъ Георгія...—Ну, братцы, не унывай. Съ чудеснымъ спасеніемъ васъ. На войнѣ не вѣшаютъ носа. На отдыхъ, братцы. Неси мертвыхъ, завтра похоронимъ, а пока на отдыхъ... Маіоръ, дайте людямъ отдохнуть, да и вы еле держитесь на ногахъ...

Ерофичъ.—Баба, а какую штуку выкинула!

Ивановъ.—*(Рыдаетъ)*.

Аргутинскій.—Ну, полно, маіоръ. Помните, какъ поется въ нашей боевой пѣснѣ.—Хвала погибшимъ, а здоровымъ—алла верды, алла верды!

(Показываются первые ряды отряда со знаменемъ).

(Аргутинскій командуетъ—впередъ, братцы!)

Занавѣсъ.

„Шпіонка“^{*}).

(«Шелковыя сѣти»).

Этюдъ второй.

Я. Львова.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Поповичъ } поручики
Войничъ } сербской артиллеріи.
Графиня Мици фонъ-Арсбергъ.
Миланъ, денщикъ Поповича.

Дѣйствіе—въ Бѣлградѣ, въ іюнѣ 1914 г.

Дѣйствіе во время послѣдней австрійской войны. Сцена представляетъ небольшую комнату въ квартирѣ сербскаго офицера Поповича. Комната обставлена скромно. На стѣнахъ военныя карты и чертежи. Оружіе, шапки и пистолеты... На столѣ телефонъ. Столъ заваленъ книгами и рукописями. Сзади альковъ, задернутый занавѣской... При поднятіи занавѣса, денщикъ Миланъ кладетъ телефонную трубку послѣ разговора. Въ комнату входитъ товарищъ Поповича артиллерійскій поручикъ Войничъ.

Войничъ.—Поповичъ дома?

Миланъ.—Никакъ нѣтъ, господинъ поручикъ!

Войничъ.—А ты не знаешь, гдѣ онъ?

Миланъ.—Не могу знать, господинъ поручикъ. Съ утра ушелъ мой господинъ и иѣтъ его... Я ужъ самъ пробовалъ искать его, да нигдѣ не найдешь... Много разъ звонили по телефону, изъ королевскаго конака принесли бумагу. Экстренную, говорилъ вѣстовой.

Войничъ.—Ну-ка покажи бумагу...

Миланъ.—Она на столѣ, господинъ поручикъ.

^{*}) Представлена въ 1-й разъ въ Москвѣ, въ театрѣ Корша, 14-го ноября 1914 года.

Войничъ.—*(Вскрываетъ пакетъ и просматриваетъ бумагу)*.—Вотъ какъ... Приглашеніе завтра явиться въ конакъ и продемонстрировать изобрѣтеніе... *(Читаетъ)*.

«Если и завтра подтвердится то, что показали предварительные опыты, то Вамъ немедленно будутъ даны средства для постройки орудія и Вы будете назначены на соответствующій постъ въ военномъ министерствѣ... Его Величество пользуется случаемъ выразить поручику Поповичу признательность за талантливое и самоотверженное исполненіе обязанностей». Такъ какъ... Наконецъ-то оцѣнили... Выходитъ наконецъ, звѣзда Поповича... А сколько ему бѣдному пришлось выстрадать... Сколько силъ растрчено на обиваніе пороговъ... Сколько пришлось стучаться въ тупыя и глухія бюрократическія стѣны... Ну, теперь зато конецъ... Вѣдь какое изобрѣтеніе... Оно перевернетъ всю будущую войну... Какія рожи будутъ у австрійцевъ... Воображаю, что сейчасъ дѣлается въ посольствѣ... Тамъ навѣрно уже пронюхали про изобрѣтеніе Поповича и нажаты всѣ пружины... Скажи-ка, Миланъ, что Поповичъ всегда такъ все бросаетъ въ безпорядкѣ на столъ?...

Миланъ.—Мой поручикъ никогда ни что не обращаетъ вниманія... Онъ всегда думаетъ о цифрахъ и когда говоритъ, то врядъ ли видитъ того, на кого смотритъ... Я уже и такъ за всѣмъ присматриваю... Баринъ не даетъ убирать и запирать бумагъ... Онъ работаетъ всегда... Онъ ночью вскакиваетъ, прибѣгаетъ сюда и сейчасъ-же садится за работу... Но знаете, господинъ поручикъ, послѣдніе дни какъ баринъ изъ Вѣны вернулся, у насъ творится что-то неладное...

Войничъ.—*(Заинтересованно)*—Ну-ка расскажи подробно, это интересно.

Миланъ.—Да все время какія-то люди шатаются... То приходятъ квартиру смотрѣть, то почталіонъ приходитъ совсѣмъ незнакомый и потомъ оказывается, что онъ по ошибкѣ пришелъ... А то, вчера еще, цыганка пришла, все просила ее въ комнату пустить... Я говоритъ, солдатъ, тебѣ погадаю... Ну я ей погадалъ... по шеѣ... Вѣдь это-же какой народъ...

Войничъ.—Ну-да, такъ я и думалъ... А что еще...

Миланъ.—Да больше ничего, господинъ поручикъ. Да вотъ еще что. Еще я хотѣлъ вамъ сказать, баринъ-то мнѣ что-то не нравится за послѣдніе дни...

Войничъ.—А что съ нимъ?

Миланъ.—Съ тѣхъ поръ, какъ онъ пріѣхалъ изъ Вѣны, его не узнаешь... Онъ меньше работаетъ, онъ часами говоритъ по телефону... Онъ все время о чемъ-то думаетъ... И, знаете, Ваше Благородіе, (*таинственно*) къ намъ два раза приходила дама... И какъ дама приходитъ, поручикъ Поповичъ отсылаетъ меня изъ дому...

Войничъ.—Что-жъ это за дама?

Миланъ.—Кто ее знаетъ. Баринъ съ ней познакомился, когда онъ возвращался изъ Вѣны... Она ѣхала съ нимъ рядомъ... Она изъ графьевъ или князьевъ...

Войничъ.—И что-же Поповичъ?

Миланъ.—Осмѣлюсь доложить, поручикъ потерялъ голову... Охъ, господинъ поручикъ, не люблю я бабъ. Баба на погибель мужскую сотворена. Я, вѣдь Ваше Высокородіе, самъ изъ Санджака... Тамъ наши сербскіе турки молятся такъ: оборони меня Аллахъ отъ женщины. По-ихнему женщина и донгузь—свинья—одно.

Войничъ.—(*Улыбается*)—Ишь ты какой женоненавистникъ. Ну бабы намъ не страшны. Не въ нихъ дѣло... А вотъ что, Миланъ. Наблюдай за тѣмъ, что тутъ происходитъ, и если что-нибудь замѣтишь, сейчасъ бѣги за мной... Получишь два золотыхъ.

Миланъ.—Будьте покойны, Ваше Высокородіе. Только зачѣмъ же Вы меня обижаете, деньги сулите... Развѣ я австріякъ, что душу за деньги чорту продаетъ... Я барина люблю очень...

Войничъ.—Ну ладно, ладно, Миланъ. Я пошутилъ, ты добрый малый. Счастье нашей маленькой Сербіи, что у насъ много такихъ, какъ ты...

Миланъ.—Спасибо за доброе слово. Я буду стараться, Ваше Высокородіе... А вотъ я слышу и шаги господина поручика.

Войничъ.—(*Встаетъ. Входитъ поручикъ Поповичъ въ плащъ, съ большимъ портфелемъ*).

Поповичъ.—А, это ты, Войничъ. Здравствуй. А я прямо изъ мастерской... Провѣрялъ части модели по чертежамъ... Все идетъ прекрасно, меня мучила мысль, не ошибся ли я... Миѣ казалось, что ошибка, самая крошечная ошибка погу-

била мое дѣло... Но нѣтъ, Войничъ, все хорошо. Модель дѣйствуетъ на славу...

Войничъ.—Ну, какъ ты създилъ въ Вѣну?

Поповичъ. — Да какъ тебѣ сказать? Въ Вѣнѣ былъ обычный пріемъ. Ледяная вѣжливость, корректная сухая предупредительность и со всѣхъ сторонъ глаза, похожіе на змѣиные жала, которыя пробираются въ душу и хотятъ оцѣнить, за сколько можно купить человѣка... Ты знаешь, вѣдь, въ Вѣнѣ глубоко убѣждены, что нѣтъ на свѣтѣ вещи, нѣтъ человѣка, котораго нельзя было бы купить... Ну, а одинъ разъ мнѣ прямо было сказано, что я могъ бы получить миллионъ или два кронъ, если бы проѣхалъ на свиданіе въ Зальцбургъ съ кѣмъ-то тамъ изъ министерства и если бы они были увѣрены, что свиданіе окончится съ результатомъ...

Войничъ.—Ну, что же ты отвѣтилъ?

Поповичъ.—Ты знаешь, я здоровый человѣкъ и привыкъ заниматься гимнастикой... Но вотъ я и продѣлалъ пару упражненій, при чемъ австріецъ игралъ роль гири...

Войничъ.—Ну, братъ, не весело ему пришлось...

Поповичъ.—Зато съ тѣхъ поръ отстали. Меня предупредили, что могутъ убить. Но я и съ этой стороны принять свои мѣры. Ночью въ Пратерѣ пробовали на меня напасть, такъ какъ я попалъ туда прямо съ работы, и со мной былъ мой портфель... Ну да Богъ не безъ милости—отбился.

Войничъ.—Да нечего говорить, ты молодець... Ну зато я могу передать тебѣ пріятную новость... Прочти-ка вотъ эту бумагу...

Поповичъ.—*(Читаетъ и садится на стулъ)*.—А, наконецъ-то! Наконецъ-то я зубами вырвалъ у жизни свою побѣду... Чего это мнѣ стоило, Войничъ; десять лѣтъ жизни ушло на это... Я вѣдь совсѣмъ не жилъ. Я жилъ въ фантастическомъ мірѣ, гдѣ причудливо переплетались цифры и нушки... Я бѣдствовалъ, я пожертвовалъ своей гордостью, терпѣлъ униженія, я позволялъ смѣяться надъ собой лопухимъ осламъ, которые каждый вечеръ забѣгали съ задняго крыльца въ австрійское посольство... Я шелъ къ одной цѣли и достигъ ее... И скажу тебѣ, Войничъ, ты меня знаешь... Меньше всего я думалъ о себѣ, о своемъ благополучіи... Я

думалъ только о нашемъ отечествѣ, о нашей Сербіи... И теперь, когда я праздную побѣду, когда я побѣдилъ тайную рать враговъ, я счастливъ, я вижу радость, которую я принесу Сербіи, я вижу шатающимися гордое знамя Габсбурговъ, я вижу счастливыя лица войниковъ, которые будутъ благословлять меня, когда моя пушка понесетъ смерть и разрушеніе швабамъ... Я счастливъ такъ, какъ только можетъ быть счастливъ человѣкъ на землѣ.

Войничъ.—(*Жметъ руку*).—Ты правъ Поповичъ. Ты глубоко правъ. И я отъ души поздравляю тебя и радуюсь твоему счастью... Но скажи мнѣ, другъ мой, что это за таинственная незнакомка, завелась у тебя?

Поповичъ.—(*Вскочилъ*).—Откуда ты знаешь? Ахъ это Миланъ. Вотъ я покажу ему сплетничать.

Войничъ.—Оставь малаго въ покоѣ... Онъ преданъ тебѣ и любить отечество также, какъ и мы съ тобой. Ты не отвливай, не заговаривай зубы. Я тебя спрашиваю, что это за женщина.

Поповичъ.—(*Смущенно*).—Это одна графиня... Миши фонъ-Арнобергъ... Очень милая женщина, настоящая аристократка... Она ѣдетъ сестрой милосердія въ Черногорію. Я познакомился съ нею въ поѣздѣ... Это веселое, жизнерадостное, бѣлокурое существо, которое вноситъ свѣтъ всюду, гдѣ только она появляется... Воображаю, какъ будутъ носить ее на рукахъ черногорскіе солдаты.

Войничъ.—Вотъ какъ ты заговорилъ... Прямо какъ поэтъ... Ты что-жъ, влюбленъ въ твою красавицу?

Поповичъ.—(*Искренно*).—Знаешь, Войничъ, я самъ не знаю, что дѣлается со мной въ послѣднее время... Я до сихъ поръ не зналъ женской любви, ласки. Я весь ушелъ въ свой суровый, вылитый изъ бронированной стали міръ... Я видѣлъ механиковъ, солдатъ... Я загрузѣлъ, очерствѣлъ, по гдѣ-то далеко, далеко, въ глубинѣ души у меня жила безумная жажда ласки, жажда нѣжной и свѣтлой женской ласки. Я былъ нелюдимъ, я избѣгалъ женщинъ, такъ какъ я весь ушелъ въ работу и для меня ничего не существовало, кромѣ нея... Но потихоньку я пришелъ къ концу... Я разрѣшилъ ту нечеловѣческую задачу, которую я себѣ поставилъ... И вотъ когда у меня оказалось больше свободнаго времени, я оглянулся вокругъ, увидѣлъ огром-

ный многоцвѣтный міръ, увидѣлъ, что существуетъ кромѣ арсенала, мортиръ и батарей еще многое другое и мнѣ безумно захотѣлось жить... Я ходилъ по улицамъ, видѣлъ нарядныхъ, красивыхъ женщинъ, видѣлъ жизнь такую соблазнительную и такъ непохожую на ту, которой жилъ я; мнѣ безумно захотѣлось войти въ эту жизнь... Но какъ это сдѣлать, я не зналъ. Тамъ были нарядныя женщины, а я полусолдатъ, полуслесарь съ черными отъ работы и порохового дыма руками... И вотъ, когда я ѣхалъ изъ Вѣны на пути моемъ встрѣтилась очаровательная женщина, отъ которой на меня пахнуло весенней лаской, весеннимъ тепломъ... И я вижу въ этомъ волю Провидѣнія...

Войничъ.—Ты по своему правъ, Поповичъ. Я не осуждаю тебя. Нужна хоть иллюзія счастья...

Поповичъ.—Ахъ, Войничъ, если бы ты зналъ, что за очаровательная, чистая, нѣжная женщина, въ которой такъ много дѣвичьяго...

Войничъ.—Вѣрю Поповичъ, и отъ души завидую тебѣ... Но не въ этомъ дѣло. Ты мнѣ скажи, всѣ чертежи, вотъ тутъ у тебя въ столѣ?

Поповичъ.—Да, все огромное орудіе вотъ въ этомъ маленькомъ конвертикѣ... Тутъ рисунокъ ударника и замка, безъ которыхъ всѣ остальные чертежи ничего не стоятъ...

Войничъ.—Такъ вотъ дай мнѣ этотъ пакетъ на сегодняшнюю ночь... Это будетъ вѣрнѣе... Завтра, передъ тѣмъ, какъ ѣхать въ конакъ, я завезу тебѣ его,

Поповичъ.—*(Смѣется)*.—У страха глаза велики... Ну да бери, Богъ съ тобой...

Войничъ.—*(Прячетъ конвертъ)*.—Ну такъ-то будетъ повѣрнѣй... А теперь я пойду, завтра мы увидимся. Тебѣ надо отдохнуть передъ такимъ великимъ днемъ, какъ завтра. Прощай, Поповичъ.

Поповичъ.—Прощай, другъ... До завтра. *(Войничъ уходитъ)*.

Поповичъ.—*(Зоветъ Милана. Входитъ денщикъ)*.—Можешь уходить... Ты мнѣ не нуженъ больше. Да смотри держи языкъ за зубами. Ты сталъ болтать много лишняго...

Миланъ.—Никакъ нѣтъ, господинъ поручикъ. *(Уходитъ)*.

Поповичъ.—*(Отворяетъ окно, снимаетъ мундиръ, одѣваетъ домашнюю куртку. Вынимаетъ два бѣлыхъ цвѣтка,*

ставитъ ихъ на столъ, гдѣ они очутились въ неожиданномъ сосѣдствѣ съ моделью шрапнели)...

Поповичъ.—(У окна).—Какой прекрасный вечеръ. Какое чудное небо... Какой ласковый и бѣжный вечерокъ... Я чувствую, какъ сходить съ меня солдатская броня и сердце начинаетъ биться сильно и больно... А все это она... (Тушитъ огонь свѣчей на столъ. Медленно подходитъ къ столу и садится).—Да, мнѣ не везло въ жизни. Недаромъ я чуть не надорвалъ спину за работой. За то теперь передо мной открывается красивая, яркая жизнь, которая будетъ похожа на сказку... Я, Поповичъ, сынъ мужика. завтра буду въ королевскомъ конакѣ... Есть отъ чего закружиться головѣ... Ну не надо распускать себя... Возьми себя въ повода, Поповичъ. Дай себѣ шенкеля... Ты солдатъ, а не дѣвица... Ну,—съ, за дѣло... Пройдемъ-ка вычисления еще разъ, чтобы чего-либо не забыть завтра... (Работаетъ). (Въ дверяхъ появляется графиня Мицци... Эффектная женщина въ сильно декольтированномъ платьѣ, нарядномъ манти и большой шляпѣ... Все это выглядитъ блестяще и рѣзко контрастируетъ съ небогатой суровой обстановкой комнаты поручика... Мицци потихоньку, медленно пооходитъ къ поручику и сзади обхватываетъ его голову руками и закрываетъ ему глаза).

Мицци.—Кто тутъ?

Поповичъ.—Какъ вы меня испугали, Мицци.

Мицци.—(Звонко хохочетъ).—Я къ вамъ на минуточку, Поповичъ. Я была на балу въ посольствѣ... Тамъ было такъ нарядно, такъ весело, и вотъ среди этого веселья я вспомнила про васъ... Вспомнила, какъ мой бѣдненькій мальчикъ одинъ сидитъ надъ своими цифрами и книгами. Я и рѣшила исчезнуть незамѣтно съ бала и навѣстить васъ.. А по дорогѣ я захватила вотъ что. (Достаётъ бутылку шампанскаго)...

Поповичъ.—Какая милая, какая вы добрая... Вы представляетесь мнѣ доброй феей изъ волшебной сказки. (Схватываетъ ея руки и жадно начинаетъ ихъ цѣловать).

Мицци:—Тише, тише, а то вы сломаете мнѣ руку... Тише, медвѣдь этакій... Вы кажется принимаете меня за одну изъ вашихъ пушекъ...

Поповичъ.—Милая, дорогая, желанная...

Мицци.—Не горячитесь такъ. Будьте умненькимъ. Ну

довольно. *(Ловкимъ движеніемъ освобождается изъ объятій Поповича).*

Поповичъ.—Не сердитесь, Мицци. Я когда вижу васъ, я сразу теряю голову...

Мицци.—Дайте мнѣ раздѣться. Я пройду къ зеркалу, а вы пока займитесь этимъ. *(Показываетъ на бутылку шампанскаго).*—У васъ зеркало тамъ, я знаю... А скажите, стаканы у васъ есть...

Поповичъ.—Должны быть гдѣ-то... Я вѣдь ничего не знаю, у меня Миланъ всеѣмъ хозяйствомъ завѣдуетъ... И кажется прескверно завѣдуетъ... Гдѣ-то должны быть стаканы, надо поискать...

Мицци.—Да ужъ хозяйство, нечего сказать... Подождите, я какъ-нибудь къ вамъ заберусь и наведу у васъ порядокъ.

Поповичъ.—Нашелъ. *(Вытаскиваетъ одинъ поломанный походный стаканъ).*

Мицци.—Браво, браво... Ну такъ за дѣло... Откупоривайте. *(Уходитъ).*

Поповичъ.—*(Достаетъ карманный ножъ со штопоромъ, открываетъ вино и ставитъ на столъ... Осматриваетъ столъ, запираетъ бумаги... Достаетъ изъ кармана и кладетъ на столъ револьверъ... Встаетъ на стулъ и завертываетъ электрическую лампочку розовой бумагой).*

Мицци.—*(Выходитъ изъ спальни въ одномъ платьѣ).*—Ну вотъ и я... Какъ мило тутъ и какъ странно—цвѣты, револьверъ, шампанское и тутъ же вотъ эти странныя вещи. *(Беретъ модель шрапнели, рассматриваетъ модель).*—Хорошенькая, изящная вещица.

Поповичъ.—Эта изящная вещица несетъ съ собой смерть сотнямъ людей.

Мицци.—А какъ скромно и невинно выглядитъ она здѣсь между этими бѣлыми невинными цвѣтами...

Поповичъ.—Эти цвѣты для васъ, Мицци... Вы знаете, когда я зашелъ въ магазинъ за ними мнѣ самому сдѣлалось смѣшно... Я Поповичъ, дикій Поповичъ, какъ меня называли въ училищѣ и... цвѣты... Я, всю жизнь имѣвшій дѣло съ приготовленіемъ орудій смерти цвѣты. Вотъ какія неожиданности приподносятъ жизнь...

Мицци.—*(Ласково)*.—Теперь вы не дикій, теперь вы ручной, я приручила васъ, мой мальчикъ. *(Нѣжно гладитъ его голову)*.

Поповичъ.—*(Цѣлуетъ руки)*.

Мицци.—*(Вдругъ)*.—Поручикъ, я забыла свою сумочку тамъ, пойдите поищите ее, и принесите. Она должно быть упала.

Поповичъ.—*(Уходитъ.—Мицци быстро вскакиваетъ, беретъ револьверъ и разряжаетъ его... Патроны выбрасываетъ въ окно. Кладетъ револьверъ на прежнее мѣсто, дѣлаетъ все граціозными кошачьими движеніями хищнаго звѣря. Садится, какъ ни въ чемъ не бывало на прежнее мѣсто... Закуриваетъ папироску)*.

Поповичъ.—Пожалуйста, графиня, вотъ ваша сумочка... Еле-еле нашелъ. Завалилась такъ, что трудно было достать.

Мицци.—Благодарю, поручикъ. Вы очень любезны. Можете поцѣловать ручку...

Поповичъ.—*(Нѣжно цѣлуетъ ручку)*.

Мицци.—Ну идите сюда, бросьте ваши мысли. О чемъ вы задумались...

Поповичъ.—Я и забылъ подѣлиться съ вами моей радостью... Завтра я представляюсь королю и демонстрирую ему мое изобрѣтеніе. Я получилъ ласковое письмо... Еще завтрашній день и я поднимусь высоко, высоко... Я за себя не боюсь и въ завтрашнемъ днѣ увѣренъ...

Мицци.—Поздравляю васъ, голубчикъ, поздравляю. Я такъ счастлива за васъ... Ну идите, поручикъ. Выпьемъ за ваше счастье, за ваше счастье... Я вѣрю въ вашу звѣзду... Идите ко мнѣ поближе, еще ближе, вотъ такъ... Ну давайте... Такъ одинъ глотокъ я, теперь вы, теперь я, вы, ну а теперь вмѣстѣ... Вотъ такъ... Хорошо, милый. *(Поповичъ пьетъ. Мицци дѣлаетъ видъ, что пьетъ)*.

Поповичъ.—Вашъ тостъ, ваше пожеланіе, уже сбылись... Я счастливъ такъ, какъ только можетъ быть счастливъ человѣкъ... Я на вершинѣ счастья... Весь міръ принадлежитъ мнѣ... Но что со мной... Какъ ударило въ голову мнѣ это вино... У меня мутится разумъ... Проклятое вино...

Мицци.— Не браните эту золотистую влагу, Поповичъ. Это одна изъ лучшихъ радостей жизни... Выпейте еще, ну теперь за мое счастье... Если быть откровенной, въ него я вѣрю гораздо меньше, чѣмъ въ ваше... Но прочь грустныя мысли... Не хмурьтесь, Поповичъ... Давайте выпьемъ... (*Мицци бросаетъ стаканъ, который разбивается съ трескомъ*).

Мицци.— Вотъ и разбилось мое счастье.

Поповичъ.— Мицци дорогая, любимая, маленькая нѣжная Мицци... Не говори такъ. Я заплачу...

Мицци.— Нѣтъ, не плачь, мой мальчикъ. Я хочу принести радость, только одну яркую, сверкающую радость... Я хочу войти въ твою жизнь, какъ лучъ солнца и освѣтить ее... Ну иди сюда, ну обними меня—такъ, крѣпче... Какія у тебя желѣзныя руки... Дай я поцѣлую тебя, твои губы, твои красныя, горячія губы...

Поповичъ.— Мицци, я теряю голову... Ты забываешь, что я мужчина. Мицци, не играй съ огнемъ... Онъ можетъ опалить тебя...

Мицци.— Тише, тише, мой милый... Тише, дай мнѣ больше нѣжности, приласкай меня... Ты такой сильный... Мое увядшее сердце оживаетъ опять отъ твоихъ ласкъ... Поцѣлуй меня нѣжно, нѣжно...

Поповичъ.— Я не могу владѣть собой... Это вино, твоя близость... все это опьяняетъ... Я вижу передъ глазами золотыя искры... Мицци, не мучь меня. Пожалѣй меня... Дай мнѣ такую ослѣпительную радость, дай такое счастье, при одной мысли о которомъ кружится голова, захватываетъ духъ, и весь міръ кажется пьянымъ, сонедшимъ съ ума...

Мицци.— (*Слабѣющимъ голосомъ*)— Не надо, мой милый, не надо, мой мальчикъ... Оставь мнѣ огромное счастье любить тебя чистой любовью... Въ моемъ чувствѣ къ тебѣ есть что-то материнское... Ну не надо...

Поповичъ.— Нѣтъ надо... Подари мнѣ это счастье... ну сдѣлай это... Это будетъ на всю жизнь... Этотъ свѣтъ освѣтитъ всю жизнь... Ну дай бѣдняку кроху хлѣба съ своего стола... Дай мнѣ войти въ рай, а не останавливаться на его порогѣ...

Мицци.— (*Потеряла способность сопротивляться*)— Глупый мальчикъ, развѣ ты не видишь, не чувствуешь, что я твоя, я твоя съ перваго взгляда, что я давно люблю тебя,

люблю безумно, страстно, люблю твою чистоту, твою силу, хочу быть твоей, хочу, чтобы ты ласкал меня... Только одну меня, слышешь. Я хочу, чтобы ты опалил меня огнемъ, о которомъ ты говорилъ.

Поповичъ.—*(Страстно обнимаетъ Мицци).*—Что это со мной... Я весь горю... Огонь, огонь... Въ головѣ огонь... Воды...

Мицци.—Успокойся, не волнуйся, успокойся... Ну, пойдемъ, я уложу тебя въ постель... Ты полежишь, отдохнешь, придешь въ себя... *(Уводитъ шатающагося Поповича въ альковъ. Въ это время въ дверь заглядываетъ Миланъ, увидя пустую комнату, входитъ, оглядываетъ пустую бутылку, цветы, качаетъ головой и уходитъ. Черезъ нѣсколько минутъ изъ спальни выходитъ графиня, задергиваетъ занавѣску окна, усаживается въ кресло, закуриваетъ папиросу...)*

Мицци.—Наконецъ-то... Я боялась, что сила шампанскаго не велика для этого желѣзнаго человѣка. Минута была острая... А право, онъ мнѣ очень нравится, этотъ дикій сербскій мальчикъ... Я очень жалѣю, что надо спѣшить, а то бы все было иначе... Ну-съ, а тебѣ за работу... *(Достаетъ связку отмычекъ и быстро открываетъ ящики стола)*... Сколько бумага... Если бы не мои блестящія познанія въ артиллерійскомъ дѣлѣ, то я кажется не разобралась бы цѣлый годъ... Такъ, такъ... Вотъ это намъ нужно, и вотъ это... А гдѣ же это главные чертежи... А это что такое... Это деньги... Много денегъ... *(Перебираетъ мѣшечекъ съ золотомъ... Въ это время въ дверяхъ показывается Поповичъ, у него мутный, воспаленный взглядъ, куртка растегнута, волосы всклокочены... Онъ присматривается къ тому, что дѣлаетъ Мицци, не понимая ничего...)*

Мицци.—Однако у него много денегъ... Золото, золото... Я равнодушна къ твоему блеску, который гипнотизируетъ меня... Но сейчасъ меня не интересуютъ эти гроши... Надо искать чертежи, а то я завтра не смогу показаться на глаза Эйсендорфу...

Поповичъ.—*(Медленно подходит и сдавленнымъ голосомъ говоритъ)*—Стой!

Мицци.—Ахъ! *(Роняетъ отъ неожиданности бумаги и деньги).*

Поповичъ.—Что это? Бредъ? Кошмаръ? Что это? *(Начинаетъ понимать)*.—Такъ вотъ въ чемъ дѣло, вотъ въ чемъ дѣло... Тварь... *(Кидается на Мицци)*.

Мицци.—Не бей меня, не бей мсня... *(Защищаетъ лицо руками)*.

Поповичъ.—Неужели тебя прельстили деньги, эти жалкія деньги. Неужели ты самая обыкновенная воровка... Такъ зачѣмъ же ты мнѣ не сказала, я бы тебѣ отдалъ эти несчастныя деньги... *(Вдругъ замѣчаетъ, что Мицци рылась въ бумагахъ)*. А, тутъ дѣло не въ деньгахъ... Я знаю, что тебѣ надо было, проклятая, проклятая; такъ ты продала меня... Дорого, конечно, взяла... Вотъ что значила твоя любовь... А я-то, я-то... Вся кровь бросается мнѣ въ голову, когда я подумаю, какого дурака я разыгрывала... Любовь, да развѣ можетъ быть любовь у такой твари, у звѣря... Такъ я уничтожу тебя... Я освобожу міръ отъ гадины, которая оскверняетъ самое святое въ жизни *(Въ бѣшенствѣ хватаетъ револьверъ и стрѣляетъ — разряженный револьверъ звонко щелкаетъ. Обезсиленный)* — И тутъ предательство и тутъ обманъ, Боже мой...

Мицци.—Прости, прости меня. Нѣтъ, я знаю, что ты не простишь... Ну, хорошо отдай меня военному суду... Меня разстрѣляютъ... Я вела большую игру... Что-жъ, моя карта бита, и пришелъ часъ расплаты... Ты выслушай меня, я хочу, чтобы ты выслушала меня...

Поповичъ.—Я не могу слушать тебя... Тѣмъ же голосомъ, которымъ ты говорила слова любви, ты торговалась, продавая меня... Ты хуже Каина, ты оскверняешь землю, по которой ты ходишь.

Мицци.—На колѣнахъ умоляю, убей меня... Ну, отдай меня на смерть... Но выслушай меня... Я тварь, я послѣдняя женщина, но я не хочу, чтобы ты думала обо мнѣ хуже, чѣмъ я есть на самомъ дѣлѣ.

Поповичъ. — *(Устало)*. — Какую новую ложь ты хочешь мнѣ сказать?

Мицци.—Милый, я хочу тебѣ рассказать исторію своей жизни... Я родилась въ маленькомъ венгерскомъ городкѣ, мой отецъ пьяница и негодяй продалъ меня за 20 кронъ странствующему цирку... Тамъ меня били, мучили, заставляли голодать, пока изъ меня не выработали наѣздницу. Все мое

дѣтство прошло въ сплошныхъ побояхъ, истязаніяхъ, мученіяхъ... Меня бралъ всякій, кто хотѣлъ... Я переходила изъ рукъ грязныхъ въ руки болѣе омерзительныя... Но у меня была огромная жажда жизни... Я сказала себѣ: я выберусь изъ того ада, въ которомъ я живу. Я отомщу этимъ негодяямъ, глумившимся надъ моимъ тѣломъ и душою... Я прошла черезъ крестныя муки жизни, я видѣла такую жизнь, въ сравненіи съ которой адъ кажется счастливымъ мѣстомъ... И я выбилась... Я стала довольно извѣстной артисткой...

Поповичъ.—И кончила вотъ этимъ! (*Показываетъ на столъ*).

Мицци.—Меня запутали... Ахъ, ты не знаешь, ты такой чистый, ты не знаешь, какія дьявольскія сѣти у этихъ людей... Они выбираютъ жертву, осторожно обходятъ ее, накидываютъ цѣпь и потомъ ужъ не вырваться изъ ея колець... Они узнали одну тайну въ моемъ прошломъ и они терроризировали меня. Ахъ, когда я вспоминаю, что они дѣлали со мной, мнѣ становится страшно...

Поповичъ.—Такъ это была ихъ программа—они заставили тебя разыграть эту комедію... А я-то обрадовался, растаялъ, любви захотѣлъ... Цвѣтовъ захотѣлъ... (*Хватаетъ цвѣты и бѣшено топчетъ ихъ*)...—Вотъ моя любовь... Вотъ моя любовь... Въ грязи мое сердце, въ какой грязи... (*Хватаетъ себя за голову*).

Мицци. — Ну, убей меня, убей поскорѣй. Да, они послали меня къ тебѣ... Они обѣщали мнѣ, что это послѣднее дѣло... За тебя я должна была получить свободу, о которой я только и мечтала... Но клянусь тебѣ, что когда я начала свою игру, я сама запуталась въ ней... Ты разбудилъ мою душу... Я полюбила тебя, я поняла всю гнусность моей жизни... Но что же я могла сдѣлать... Я маленькая, слабая женщина, я не знала, что мнѣ дѣлать... И еслибъ я взяла твои бумаги, можетъ-быть я сожгла бы ихъ, бросила въ рѣку... Ну, не смотри на меня такъ...

Поповичъ.—(*Устало, равнодушно*). Нѣтъ, рассказывай, рассказывай, это становится интереснымъ.

Мицци.—Да, я люблю тебя... Но я не хочу прощенья... Я хочу искупить свою жизнь... Ну, зови деньщика, отдай меня въ руки военному суду и завтра все будетъ копчено...

Поповичъ.— Конечно, конечно, я такъ и сдѣлаю... *(Идетъ къ телефону, беретъ трубку)*... Конакъ, да конакъ, комнату комсданта... *(Бросаетъ трубку)*—Нѣтъ не могу, не могу...

Мицци.— Ты колеблешься...

Поповичъ.— Не могу... Ты цѣловала меня... Ты и сейчасъ сильнѣй меня... Проклятiе, я не могу предать тебя... Я знаю, что ты причинишь моей родинѣ больше вреда, чѣмъ сотня глуныхъ швабовъ... Но я не могу, я солдатъ, а не палачъ... Иди съ Богомъ, я отпускаю тебя... Ты сейчасъ обезврежена и не опасна... Иди и знай, что не все на свѣтѣ продается и покупается за деньги... Иди же скорѣй, не искушай... Иди.

Мицци.— Ну, лучше убей меня, но не гони... Не гони... такъ. *(Ползаетъ у ногъ Поповича)*.

Поповичъ.— Нѣтъ, нѣтъ, я не могу видѣть тебя, ты разбила мою вѣру въ человѣка. Уходи или я сейчасъ отдамъ тебя властямъ. *(Беретъ трубку)*.

Мицци *(выпрямляясь)*.— Ну, звони.

Поповичъ.— Не могу... Но если ты сейчасъ не уйдешь, я пушу пулю себѣ въ лобъ тутъ же, я убью себя тутъ же сейчасъ... *(Идетъ къ стѣнѣ, гдѣ виситъ оружiе)*.

Мицци *(безъ словъ, какъ жалкая, дрожащая собака уходитъ)*.

Поповичъ *(снимаетъ со стѣны револьверъ и идетъ на авансцену)*.— Ну, съ ней покончено, а съ другимъ преступникомъ разговоръ короткій. Военный судъ произнесъ приговоръ — смерть... *(Подноситъ револьверъ къ виску)*. Не смогъ жить, такъ сумѣй хоть умереть, какъ солдатъ... *(Командуетъ машинально)*. Готовься... *(Хочетъ спустить курокъ. Въ это время вбѣгаютъ Войничъ и Миланъ. Войничъ выбиваетъ револьверъ изъ рукъ Поповича)*.

Войничъ.— Сумасшедшій, что ты дѣлаешь?

Поповичъ.— Ахъ, ты не знаешь, Войничъ, ты не знаешь... Я не могу больше жить... Миѣ нѣтъ больше на свѣтѣ мѣста.

Войничъ.— Я все знаю... Ты не первый, ты не послѣдній... Ты попалъ въ самыя страшныя сѣти на свѣтѣ, въ шолковыя тенета... Но Богъ спасъ тебя.

Поповичъ.—Я преступникъ. Я прикоснулся къ такой грязи, что нѣтъ для меня мѣста на родинѣ.

Войничъ. — Ты остался честнымъ человѣкомъ... При этомъ ты забылъ объ одномъ — ты не принадлежишь себѣ... А родина, а Сербія... Ты не принадлежишь себѣ... Я былъ сейчасъ въ конакѣ, былъ у короля... Онъ все знаетъ, кланяется тебѣ и шлетъ тебѣ назначеніе на передовыя позиціи... Пушка же твоя принята...

Поповичъ.—Боже мой, неужели снова жизнь!

Войничъ.—Жизнь... Австрійцы наступаютъ. Предстоитъ серьезное дѣло...

Поповичъ.—Какое счастье. Я смогу умереть тамъ.

Миланъ.—Госнодинъ поручикъ, зачѣмъ умирать, жить надо... Это чортъ васъ попуталъ, чортъ, развѣ это баба была, это чортъ... Ну да Богъ васъ избавилъ отъ нея и теперь все будетъ хорошо.

Поповичъ (*жиметъ ему руку*).—Спасибо, Миланъ. Теперь все будетъ хорошо. (*Слышны звуки зори*).

Войничъ.—Смирно, поручикъ Поповичъ, походь!

Поповичъ (*вытягиваясь*).—Походь, Боже помоги Сербіи.
Всѣ трое.—Живіо!

Занавѣсъ.

„Дѣтвора“.

Этюдъ третій.

(„На войну“).

Я. Львова.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Василій Ильичъ, солидный человѣкъ.

Витя)
Леля) его дѣти.

Дядя Сережа, братъ Василія Ильича, легкомысленный человекъ.

Карповна, няня.

Дѣйствіе—въ наши дни.

Сцена представляетъ небогато обставленную комнату, въ самомъ обыкновенномъ среднемъ семействѣ. Въ обстановкѣ есть уютъ, но все это такое сѣрое, такое обыденное. Картины, открытки, цвѣточки на окнахъ. Пахнетъ отъ всего мирной, обывательской жизнью, прочно налаженной. Комната въ одно время и гостиная и столовая. При поднятіи завѣса на сценѣ Карповна, старая няня, ворча приготовляетъ къ чаю.

Карповна.—Что это, Господи, право.. Съ ума всѣ походили... Жили, жили, вдругъ на тебѣ... Конецъ свѣта, видно приходитъ... Мои-то, мои-то совсѣмъ обалдѣли, ни тебѣ учиться, ни тебѣ покушать... Витя и велосипедъ забросилъ и мячикъ свой большой-то, а Леличка-то то же серьезной стала... Господи, что крови-то прольется теперь... Что слезъ женскихъ по деревнямъ... Помню я еще, какъ турку били, помню... *(Вбѣгаетъ Леличка. Хорошенькая, молоденькая, глазки быстрыя, вся солнечная, въ формѣ гимназистки, косичка съ бантикомъ).*

Лелѣя.—Няничка, Витя пришелъ?

Лики войны.

Карповна. — Нѣтъ не пришла... А ты гдѣ стрекоза была?

Леличка. — Ахъ, няня, я была на вокзалѣ. тамъ такъ интересно... Знаешь няня, поѣзда съ соладтиками идутъ... Солдатики веселые, пѣсни поютъ, шапками машутъ... Ты знаешь мы всѣ и Оля Одинцова и Женя Розенбергъ купили цвѣтовъ, сложились, отъ завтрака отказались, осыпали солдатъ и офицеровъ... Они такъ намъ кланялись... Такъ кланялись... А одинъ офицеръ молоденькій подошелъ къ намъ и руку мнѣ крѣпко, крѣпко пожалъ и такъ хорошо, такъ тепло сказалъ:—Барышня, какъ вы похожи на мою сестру... Сказалъ, покраснѣлъ и назадъ... Я чуть не разревѣлась... Няничка, няничка, на войну вѣдь они идутъ, что ихъ тамъ ждать... Только подумать... Они такіе молодые, такіе веселые (*Вытираетъ глаза*).

Няня. — Ну чего плакать. Нечего плакать... Воины одно слово, потому и идутъ... Папашу не забрали, дядю не забрали, Витечка молодъ еще бѣгаетъ... Тутъ радоваться надо, а ты плачешь... Они не пойдутъ, кто тебя тогда защищать будетъ. Это то же подумать надо... А ты вотъ что, бѣсенокъ. Война-то войной... А вотъ ты ничего не ѣшь. Вотъ что не хорошо... По ночамъ не спишь... Смотри, Леля, я папашѣ пожалуюсь... Тебя и Витечку покойница мнѣ поручила. Такъ я на томъ свѣтѣ передъ нею отвѣтъ должна держать...

Леля. — Ну, няничка, миленькая, не говори папѣ... Папа у насъ хорошій, добрый, но ты знаешь, няничка, я его боюсь, онъ такой серьезный; онъ такъ занятъ своими дѣлами... Онъ какъ посмотреть сквозь очки, такъ у меня душа уйдетъ въ пятки... Няничка, ну подожди, вотъ война кончится, я сразу вышью три ведра молока и съѣмъ два пуда кани и стану такая толстая, такая толстая... Ну няничка, ну миленькая, я тебѣ съ войны гостиницъ привезу... Ну дай я тебя поцѣлую...

Карповна. — Ну отстань, бѣсенокъ, отстань... Совсѣмъ затормошила старуху...

Леля. — Няничка, а что я тебѣ скажу... Только ты, няничка, никому не говори. Скопила я три рубля, давно скопила и спрятала у себя въ шкапулкѣ... Ты знаешь, какъ я театр люблю... Вотъ думала, какъ-нибудь захочу въ театръ пойти, такъ и смогу. Ни у кого не надо просить... Или на тянучки... Вѣдь я ихъ обожаю... А тутъ вышла я во дворъ и вижу: Настя

дворничиха плачетъ надрывно, такъ протяжно, мужа взяли, а у нея четверо ребятишекъ. Я скорѣй бѣгомъ въ домъ, къ шка-тулкѣ своей, схватила три рубля, скорѣй во дворъ и сунула Настѣ въ руку,.. Чего ты, говорю, дура падрываешься, не плачь... Она руку мнѣ хотѣла поцѣловать, да я не дала, вырвала ее и бѣжать... И такъ мнѣ сдѣлалось и стыдно, и пріятно...

Карповна. — Ну, Леля, всѣмъ не поможешь! Вотъ на войну-то сколько народу идетъ. Нешто всѣмъ поможешь... Не хвалю, не хвалю... Вѣдь они и отъ казны пособія получаютъ будутъ...

Леля. — Нѣтъ, няня, ты неправа. Всѣ должны притти на помощь тѣмъ, кто нуждается въ ней... Нѣтъ, няничка, ты это просто такъ говоришь... Я вѣдь знаю, сердце у тебя золотое, а такъ это ты говоришь. А знаешь я иду на войну солдатамъ помогать. Мы всѣ идемъ. Мы другъ другу слово дали. Весь классъ идетъ... Ты знаешь... Я уже и повязку съ красивымъ крестомъ присмотрѣла...

Карповна. — Ну что ты, что ты, Лелечка. Аль рехнулась, какія ты слова говоришь. Дѣвочка ты маленькая, учиться тебѣ, то же на войну, а кукламъ-то что безъ тебя дѣлать...

Леня. — А я одну съ собой возьму... Нѣтъ, няничка, правда, я уже рѣшила...

Няня. — Нѣтъ, дѣточка, ты этого громко не говори... Не ровень часъ панаша услышетъ, огорчится-то какъ, да разсердится... А то покойница на томъ смѣтѣ услышетъ. Каково ей будетъ...

Леля. — Ну мамочка покойница меня не удерживала бы. Я мамочку-то каждую минуту вспоминаю. Сдѣлаю что-нибудь и думаю, чтобы мамочка на это сказала...

Няня. — Выбрось ты эти мысли изъ головы, Лелечка... Дѣло наше женское... Старая, я старая три войны видѣла... Послушай меня, а вотъ что я тебѣ скажу... Какъ ты пойдешь къ этой Настѣ, такъ ко мнѣ въ коморку загляни... Я тебѣ дамъ изъ чулка-то. Мнѣ на что, на гробъ развѣ... А ей-то нужнѣе...

Лелечка. — Милая старушка моя... (*цѣлуетъ ее и плачетъ*).

Няня. — Ну, не плачь. А вотъ Витя пришелъ... Молодые ножки здоровыя! Какъ тупають-то... Ну я посмотрю

пойду—панаша всталь-ли или нѣтъ... (*Вбѣгаетъ Витя гимназистъ, молодой*).

Витя.—Лелька ты тутъ... Какъ же ты меня потеряла... я искалъ тебя, искалъ, да такъ и не нашель...

Лелечка.—Да развѣ мыслимо было не потеряться въ такой толпѣ... Вѣдь ужась, что дѣлалось...

Витя.—Да ужъ денекъ... Ты знаешь, я такъ много пережилъ... Я кажется сразу выросъ... И усики, кажется, больше стали... (*Щиплетъ верхнюю губу*). Какой великій день... Ахъ Леля, какъ мы жили... чѣмъ мы заняты были... Мнѣ смѣшно подумать, что больше всего на свѣтѣ меня интересовало побѣдить-ли наша партія въ футболѣ или спросить меня математикъ или нѣтъ... А теперь... Что я видѣлъ сегодня... Всѣ улицы залиты толпой... Несутъ флаги и поютъ... Ты знаешь, я то же несъ флагъ, мнѣ дали... А какъ говорилъ одинъ около, на вокзалѣ... мнѣ казалось, что я не выдержу, что сердце у меня разорвется... Какъ онъ сказалъ — умремъ за отечество, такъ захотѣлось умереть, что тутъ бы, кажется, такъ бы на враговъ и бросился. А на вагзалѣ съ какимъ солдатикомъ я познакомился... У него два Георгія за японскую войну. Такой молодчинище... И такъ увѣренъ въ побѣдѣ... Намъ, говорить, да не побить... Онъ мнѣ и говорить... Иди къ намъ... Чего, говорить, зря треплешься... Парнишка смѣлый ты, говорить, такъ намъ пригодишься... Я чуть тутъ же не прыгнулъ въ вагонъ, а потомъ съ офицеромъ я познакомился... Такъ онъ мнѣ такое сказалъ, что я прямо заплакалъ... Не пустякъ, говорить, вась въ добровольцы... Не вышли, говорить, возрастомъ... Но да тотъ же солдатъ меня въ сторону отвелъ и говорить: это ничего. Вы, говорить, прямо къ полку какому приставайте и у командира и проситесь... Да посиленѣй, такъ возьмутъ, говорить... Съ двумя полками, рассказываетъ, мальчики не старше меня прошли... Ты знаешь, Леля, онъ мнѣ и ружье поддержать на минутку даль... Тяжелое, а я его одной рукой поднйялъ...

Леля.—Витя, ты знаешь, я то же иду на войну.

Витя.—Но вотъ, выдумала тоже... Бабъ туда не пускають... Зачѣмъ на войнѣ бабы.

Леля.—Да я не восвать пойду... Я въ сестры пойду... Глядѣла я сегодня на солдатиковъ, глядѣла и такъ мнѣ ихъ

жалко сдѣлалось... Такъ захотѣлось имъ помочь... Заплакала я и рѣшила на войну итти...

Витя.—А ты вѣдь это ловко придумала. Я и не сообразилъ. Ну что-жь, ты будешь сестрой, а я солдатомъ... Ранять—ты меня и перевяжешь...

Леля.—И какъ еще перевяжу-то... На славу. Вотъ-то хорошо будетъ... Вотъ-то весело. (*Смѣется и хлопаетъ въ ладоши*).

Витя.—Дура, чему ты радуешься... Тому, что меня ранять.

Леля.—(*Сконфузилась*).—Я и не подумала... Не сердись, Витя. Ты знаешь, я совсѣмъ потеряла голову... А если тебя ранять, то ты увидишь, какъ тебѣ пріятно будетъ, если я тебя перевяжу.

Витя.—Да я не сержусь... Только вотъ въ чемъ дѣло: не пустить насъ папа на войну, не пустить...

Леля.—(*Сразу померкла*)—конечно не пустить...

Витя.—Я все-таки попробую, попрошу сегодня. Но, откровенно говоря, надежды у меня мало...

Леля.— Да нѣтъ, что тамъ говорить, конечно не пустить.

Витя.—(*Таинственно*).—А ты знаешь—это еще не бѣда... Не пустить, мы сами уйдемъ... У меня уже все приготовлено...

Леля.— Да что ты, что ты. Боже мой, какъ страшно. Я боюсь Витя.

Витя.— Ну да вѣдь извѣстно, что женщины трусихи. Я непонимаю, чего тебѣ бояться, разъ ты идешь со мной... А у меня все обдуманно. Мы уйдемъ сегодня ночью, когда папа уйдетъ въ клубъ, а няня уснетъ. Я возьму съ собой монтекристо... Мы сядемъ на велосипеды... Я ихъ уже спряталъ въ саду и уѣдемъ. Поѣдемъ за двѣ станціи, а тамъ сядемъ въ поѣздъ... Ты знаешь, я и денегъ досталъ. 7 рублей цѣлыхъ... Отъѣдемъ въ сторону, дождемся поѣзда съ солдатами и сестрами и попросимъ, чтобы насъ взяли... Насъ, конечно, возьмутъ... Насъ не могутъ не взять...

Леля.— Какъ замѣчательно ты это придумалъ. Да ты герой, Витя, ты настоящій герой. Боже, какъ ты хорошо все придумалъ... Какъ страшно стало и какъ весело и какъ жутко...

Витя.— Подожди, что дальше будетъ... Только смотри не проболтайся никому клятву мнѣ дай.

Леля.—Клянусь тебѣ, Витя. Да и кому я могу проболтаться...

Витя.—Ну, значить, когда всѣ лягутъ, выходи сюда—одѣвайся потеплѣй и посвободнѣй... Съ собой ничего не бери... Да, смотри, иди тихо, тихо, чтобы никакого шума... Ну, а теперь молчи. Кажется дядя идетъ (*Входитъ дядя Сережа*).

Дядя Сережа.—А, малыши, что-то это видѣ-то у васъ какой-то таинственный. Прямо заговорщики какіе-то... И глазки, глазки какъ блестятъ... А, понимаю, понимаю... Война васъ захватила... Ахъ дѣти, дѣти, какъ опасны ваши лѣта... А тебя, Лелечка, я видѣлъ съ цвѣтами на вокзалѣ...

Лелечка.—(*Сконфуженно улыбається*).

Дядя Сережа.—Нечего конфузиться, дѣтка, ты ничего плохого не сдѣлала, наоборотъ, это очень хорошо. Но вотъ что я скажу вамъ, дѣтки. Не надо быть такими экспансивными. Въ ваши годы это очень вредно и потомъ это можетъ разволновать отца... Онъ человѣкъ не молодой, не здоровый... Очень похвально, что вы такъ близко принимаете къ сердцу все, что мы переживаемъ, но у васъ есть обязанности передъ вашимъ отцомъ. Вотъ объ этомъ я и хотѣлъ вамъ сказать... Не будьте эгоистами, дѣти. Берите примѣръ съ меня. Вы думаете меня все не волнуетъ. Вы думаете мнѣ не хотѣлось бы итти туда... Бросить скучную жизнь здѣсь и пойти туда... Но нельзя же всѣмъ итти. Надо кому-нибудь и здѣсь оставаться... Вотъ мы останемся здѣсь. Здѣсь то же будетъ много работы и будемъ нести ее. Правда, здѣсь не будетъ подвиговъ, не будетъ ничего яркаго, но мы будемъ утирать слезы людскія, а, право, это очень важно, дѣти. Ну, идите сюда ко мнѣ поближе.

Витя.—Да, дядя Сережа. Все это очень хорошо. Но мы совсѣмъ не этого хотимъ... Ты знаешь, дядя, мы идемъ на войну. Я и Леля... Я иду солдатомъ, а Леля сестрой милосердія.

Дядя Сережа.—(*Начинаетъ громко хохотать*).—Ай да солдатъ, ай да сестра... Насмѣшилъ ты меня, племянникъ. Да вы пойдите, пойдите въ зеркало посмотрите, посмотрите, какіе вы воины... Хороши... Да на кого Леля куколь своихъ оставить... А безъ тебя какъ футболъ будетъ и съ кѣмъ

Женя Розенбергъ гулять будетъ по бульвару... Ты объ этомъ подумай.

Леля.—Нельзя, дядя, надо всѣмъ смѣяться... Развѣ я не могу одну изъ куколъ съ собой взять...

Дядя.—Конечно, конечно... Тамъ ей самое подходящее мѣсто.

Витя.—А мы, дядя, надѣялись, что ты съ отцомъ поговоришь и уговоришь его насъ отпустить... Право, дядя, сдѣлалъ бы ты это для насъ.

Дядя.—Ну, нѣтъ, увольте меня отъ такой миссиі... Говорите сами... Братъ и такъ считаетъ меня легкомысленнымъ, а послѣ этого совсѣмъ ужъ махнетъ на мня рукой. Да развѣ вы папу-то не знаете, развѣ можно съ нимъ говорить объ этомъ. Да что вы.

Витя.—Да, папу мы знаемъ.

Дядя.—Ну и бросьте объ этомъ думать. Вотъ давайте лучше повоюемъ. Посмотрите-ка, что я вамъ принесъ. (*Достаетъ карту и флажки, раскладываетъ на столѣ*).

Леля.—Ахъ, какъ это интересно. Какіе миленькіе флаги...

Витя.—Ну, давай, дядя, расположимъ арміи.

Дядя.—Ну, давай. Вотъ наши, вотъ австрійцы, вотъ (*съ одушевленіемъ разставляютъ флаги*).

Витя.—Не такъ, не такъ. Здѣсь не австрійцы, здѣсь наши...

Дядя.—Да нѣтъ, здѣсь непріятель.

Витя.—А я тебѣ говорю, что здѣсь наши, мнѣ сказали офицеры, что мы заняли уже этотъ городъ.

Дядя.—А я и не зналъ. Однако, ты братъ, стратегъ.

Витя.—Я не понимаю, какъ можете вы шутить.

Леля.—Ахъ, какъ интересно. (*Съ азартомъ передвигаетъ флагами*). (*Въ это время незамѣтно входитъ Василій Ильичъ, пожилой, дѣловой человѣкъ, сухой, корректной складки*).

Василій Ильичъ.—Ты портишь мнѣ дѣтей: сколько разъ я просилъ тебя быть какъ можно осторожнѣй и ничего не приносить имъ, не спросивъ меня...

Сергѣй.—Я и не замѣтилъ, какъ ты подошелъ, Василій. Ну, знаешь, я нахожу, что ты совсѣмъ не правъ. Нельзя дѣтей воспитывать подъ стекляннымъ колпакомъ — это время прошло. Нельзя отрывать ихъ отъ жизни. Они уже

большіе... Они вонъ все знаютъ про войну лучше насъ съ тобой... Не сказки же мнѣ имъ рассказывать про молочныя рѣки и кисельные берега.

Василій Ильичъ.—(Сухо).— Ты не понимаешь, что говоришь, Сергѣй. Твое легкомысліе не знаетъ границъ. Сколько разъ я говорилъ тебѣ, что надо беречь больше всего воображеніе ребенка... Ты бы прочелъ, что по этому поводу пишутъ швейцарскіе педагоги... Есть очень хорошая статья въ журналѣ воспитанія доктора Кирхнера.

Сергѣй.—Вѣчно ты со своими статьями. Тутъ жизнь, братецъ, романъ преподноситъ такой, какого ни одинъ писатель не выдумаетъ, а ты со своими статьями. Ну, довольно, дѣти, будетъ. Пойдемъ чай пить... (Встаютъ, идутъ и усаживаются всѣ за чай).

Василій Ильичъ.—Что у насъ въ городѣ дѣлается... Ужасъ... Сочувствую всему этому, но не одобряю.

Сережа.—Еще бы тебѣ одобрить.

Василій Ильичъ.—Порядокъ нарушенъ. Ты будь героемъ, а порядка не нарушай... Порядокъ прежде всего... Порядкомъ насъ нѣмцы побить могутъ.

Сергѣй.—Ну, нѣтъ, братъ, это шалишь. Твой порядокъ нуженъ въ мирное время всѣмъ, а въ военное не надо порядка... Нужно безумство, нужна удаля, а этого у насъ столько, что никакіе нѣмцы съ ихъ порядкомъ и машинами намъ не страшны...

Василій Ильичъ.—Опять... Я просилъ тебя быть спокойнѣй, Сергѣй...

Сергѣй.—Спокойнѣй, спокойнѣй... Вѣчный покой... Точно въ могилѣ... Это не годится. А что бы ты сказалъ, если бы я передалъ тебѣ, что дѣти просили меня переговорить съ тобой, чтобы ты отпустилъ ихъ на войну.

Василій Ильичъ.—Я бы сказалъ, что и они и ты сошли съ ума... Да, я не понимаю, какъ у тебя языкъ поворачивается сказать такую вещь... Совершенно не понимаю... Куда я попалъ... Въ сумасшедшій домъ.

Витя.—Но, папа...

Василій Ильичъ.— Молчать. Вы должны учиться — вотъ вашъ долгъ и передъ родиной, и передо мной, и передъ покойной матерью. Я вами недоволенъ. Я встрѣтилъ сегодня директора гимназіи. Ты какъ учишься, Викторъ. Ты поль-

зуешься моей добротой и чертъ знаетъ, какъ себя распустилъ. Этому надо положить конецъ. Съ завтрашняго дня къ тебѣ будетъ ходить репетиторъ, а ты, Леля, что ты дѣлаешь, съ какими дѣвченками бѣгаешь на вокзалъ. Кончится тѣмъ, что я васъ отдамъ въ пансіонъ... Вамъ необходима дисциплина. Вамъ нужно англійское воспитаніе...

Леля.—*(Плачетъ)*.

Витя.—Отець, я не маленькій уже.

Василій Ильичъ. — Ведешь себя ты совсѣмъ, какъ маленькій. Но я вижу, что надо вами заняться... Какія-то бредни... Война васъ не касается... Я самъ взволнованъ, я жертвую много денегъ... но изъ этого не слѣдуетъ, что надо сходить съ ума... Вотъ откроетъ нашъ директоръ лазаретъ, такъ будете помогать... Ты, Леля, будешь съ директорской дочкой ѣздить на автомобилѣ... Все будетъ хорошо и красиво, какъ у воспитанныхъ дѣтей. Ну, довольно объ этомъ. Идите спать и выбросьте бредни изъ вашихъ головъ. *(Дѣти подходятъ, цѣлуютъ руку)*.

Отець. *(Болѣе нѣжнымъ голосомъ)*.—Ну, дѣтки, не дѣлайте такихъ унылыхъ глазъ. Я люблю васъ и отъ души желаю вамъ добра. Я хочу сдѣлать изъ васъ настоящихъ трезвыхъ людей... Вы потомъ сами будете мнѣ благодарны или... Ну, идите съ Богомъ... Я иду въ клубъ... Надѣюсь, что и ты, Сергѣй, долго здѣсь не засидишься.

Сергѣй.—Я только на минутку пройду въ твой кабинетъ, мнѣ надо сдѣлать выписку изъ энциклопедическаго словаря.

Василій Ильичъ.—Прощай. *(Уходитъ)*.

Сергѣй. — Прощайте, дѣтки, не волнуйтесь. Каргу и флаги мы у папы отстоимъ и повоюемъ завтра на-славу.

Витя.—Прощай, дядя... Да, мы повоюемъ. *(Смотритъ таштвенно на сестру)*.

Леля.—*(Улыбаясь)*.—Да, мы повоюемъ на славу, дядя Сережа. *(Уходятъ)*.

Няня. *(Уноситъ все со стола гаситъ лампу, и уходитъ; слышно, какъ уходитъ и хлопаетъ дверями Василій Ильичъ)*.

(Пауза. Полная тишина. Луна смотритъ въ окно... въ одну дверь пробирается Витя, въ другую Леля).

Витя. — *(Шопотомъ)*. Это ты, Леля. Тише, ради Бога тише.

Леля.—Да, это я.

Витя.—Луна, какъ на грѣхъ, во всю свѣтитъ... Ну да она сейчасъ за облака спрячется... *(Натакивается на сестру)*.—Ой, кто это.

Леля.—Да это я, Витя... Что это у тебя.

Витя.—Это монтекристо... Нѣмцевъ бить. Деньги я зашилъ въ ладонку и на грудь повѣсилъ... Сухарей взялъ за пась.

Леля.—А я куклу взяла... Мармеладку взяла коробку для солдатиковъ, а для себя тянучекъ.

Витя.—Брось все это. Это намъ мѣшать будетъ.

Леля.—Нѣтъ, не брошу. Ты же берешь свои вещи...

Витя.—Ну, да Богъ съ тобой, бери. Тебѣ же на позиціяхъ все это таскать трудно будетъ... Ну, да положимъ все это я нести буду... Проклятая луна. Такъ и свѣтитъ во всѣ лопатки.

Леля.—*(Садится и плачетъ, —горько, горько)*.

Витя.—Ты что. Ты съ ума сошла. Ты забыла, что ты сестра милосердія.

Леля.—Я боюсь и я не хочу сестрой... Мнѣ ихъ жалко...

Витя.—Да кого тебѣ жалко, глупая дѣвченка. Даваль слово не связываться съ бабами. Кого тебѣ жалко, скажи толкомъ.

Леля.—Всѣхъ жалко... Папочку, нянечку, дядю, куклу Катю... Мамочка, мамочка, помоги мнѣ...

Витя.—Ну—такъ, оставайся здѣсь, глупая дѣвченка и мнѣ не мѣшай. Мнѣ тоже ихъ жалко, но ты подумай, мы вернемся съ войны съ крестами, героями, вотъ какъ будетъ пріятно.

Леля.—Да я уже не плачу. Мнѣ ужъ не страшно. Я не боюсь съ тобой.

Витя.—Ну то-то. Ты вѣдь у меня молодець—сестренка. Ну, луна скрылась. Идемъ... *(Тихо на цыпочкахъ уходятъ. Выходитъ изъ-за ширмы дядя Сережа)*.

Дядя Сережа.—Милыя дѣти. Я такъ и зналъ... Вотъ, что дѣлаетъ война... Какъ странны ея лики... *(Вбѣгаетъ няня)*.

Няня.—Сергѣй Ильичъ! Да что-жъ это, дѣтей-то вѣдь нѣтъ.

Сергѣй Ильичъ.—Тише, няня. Да, ихъ нѣтъ. Но вы не волнуйтесь... Они пошли на войну... Далекое не уйдутъ... Сейчасъ я поѣду за Василиемъ Ильичемъ, мы отправимся на станцію и тамъ ихъ захватимъ. Я нарочно имъ не мѣшалъ. Пусть этотъ моментъ останется у нихъ въ памяти на всю жизнь. Онъ искупитъ ихъ все будущее грѣхи... Ахъ, няня, няня. Не плачь, старуха... Они дѣти... Они поняли, что надо дѣлать... А мы-то, какъ мы смѣшны съ своими словами. *(Уходитъ)*.

Няня.—Покойница, радуется твое сердце на небѣ, берегла тебѣ дѣтскія души. *(Становится на колѣни)*. Господи, спаси насъ грѣшныхъ.

(Занавѣсъ).

Декорація I акта.

ПЛѢННИКИ. (Les prisonniers).

Пьеса въ 1 дѣйствіи 2-хъ картинахъ. *)

По сюжету Мопассана. **Е. Гартингъ.**

Домикъ лѣсничаго. Справа очагъ. Надъ очагомъ большой револьверъ. Погребъ, запирающійся тяжелой опускной дверью. Прялка. Большой столъ. По обѣ стороны его деревянныя скамьи. Окно снаружи закрывается огромной дубовой ставней. Тяжелые дверные засовы. Лѣстница во второй этажъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Пишонъ—худой, высокій старикъ лѣсничій.

Жена Пишона—осторожная, сморщенная старуха.

Бертина—ихъ дочь; высока, стройна и сильна; настоящая дочь лѣсовъ.

Лавинъ—комендантъ, глуповатъ, любитъ много говорить.

Малуазонъ—необычайно толстъ, лѣнивъ, добродушенъ, по ремеслу булочникъ; у него огромный животъ, надъ которымъ всѣ смѣются.

Планшю.

Подевенъ—очень рѣшительный человѣкъ.

Солдаты городской милиціи.

Шесть прусскихъ солдатъ во главѣ съ унтеръ-офицеромъ, всѣ рыжебородые.

*) Представлена въ 1-й разъ въ Москвѣ, въ театрѣ Корша, 14-го ноября 1914 г.

Картина первая.

Пишонъ и его жена. (*Слышно, какъ снаружи дома Бертина колетъ дрова. Старуха у прялки*).

Пишонъ. — Ну, старуха, я иду въ городъ. Собакъ я захвачу съ собой. Волки ужъ очень свирѣпы стали нынче. А вы тутъ двери хорошенько закройте и сидите тихо. Принесетъ еще нелегкая вчерашнихъ нѣмцевъ. Я вернусь къ вечеру.

Старуха. — Охъ, ужъ эти твои хожденія! Не кончилось бы это плохо. Переѣхать бы намъ въ городъ, что тутъ въ лѣсу сидѣть и нѣмцевъ дожидаться.

Пишонъ. — Молчи, старуха! Ну, что ты понимаешь? У меня сегодня для господина коменданта такія вѣсти, что онъ меня прямо расцѣлуетъ. Ты пойми, вѣдь эти молодцы, которыхъ мы вчера видѣли съ Бертиной,—прусскіе развѣдчики! Рыскаютъ тутъ по лѣсу и все вынюхиваютъ. Ну, мы имъ покажемъ! Сцапаемъ ихъ, голубчиковъ, и проучимъ, какъ по нашимъ лѣсамъ рыскать! Прохвосты проклятые! Мы ихъ проучимъ! Зазнались, дьяволь бы ихъ побралъ!..

Старуха. — Такъ-то оно такъ... А все-таки хорошо бы въ городъ переѣхать. О-хо-хо...

Пишонъ. — Заладила свое: въ городъ да въ городъ! Ты думаешь, что если мы поѣдемъ въ городъ, то тебѣ спокойнѣе будетъ? Тамъ вѣдь тоже ждутъ пруссаковъ. Пушки, ружья—все готово, все на мѣстѣ. Лицомъ въ грязь не ударимъ. На площади съ утра до поздней ночи идетъ ученіе и стрѣльба.

Старуха. — Народъ-то весь поди въ армию забрали?

Пишонъ. — Не весь. Насъ съ тобой, видишь, вотъ оставили... хе-хе... Мы вотъ на нѣмцевъ съ тобой и ударимъ. Ахъ, старуха! Дурная ты у меня... Ну, пойду! Эхъ жаль, что ты нашего коменданта не видѣла.

Старуха. — Какой еще тамъ комендантъ?

Пишонъ. — А господинъ Лавинъ. Вѣдь это онъ милицію образовалъ. Вѣдь онъ бывший драгунскій унтеръ-офицеръ.

Старуха (*съ благоговѣніемъ*) О-о-о!

Пишонъ. — Человѣкъ онъ почтенный, лавку свою имѣетъ, мануфактурнымъ товаромъ торгуетъ.

Старуха. — А кто же его комендантомъ сдѣлалъ?

Пишонъ. — Да мы всѣ. Всѣ сообща: всѣ граждане—булочники, лавочники, мясники, нотаріусы, стряпчіе, столяры, книгопродавцы, аптекаря и я, Николай Пишонъ, мы всѣ его въ коменданты выбрали. Хорошо онъ это дѣло понимаетъ, и ужь нѣмцу онъ спуска не дастъ. Ну, некогда, некогда тутъ съ тобой лясы точить. Пойду-ка я. *(Зовётъ въ дверь)*. Бертина!

Голосъ Бертины. — А-а!

Пишонъ *(передразнивая)*. — А-а... Чего а-акать-то? Шла бы сюда, я ухожу, Бертина. Ну, прощай, старуха! Къ вечеру буду. *(Уходитъ)*.

Явленіе второе.

Старуха *(оставшись одна, безпокойно озирается)*. Бертина, закрой-ка ставни. Уже ночь, иди въ домъ. *(Слышно, какъ Бертина закрываетъ ставни)*. Навѣрно, эти проклятые пруссаки тутъ близко гдѣ-нибудь бродятъ. Пруссаки да волки—голодное звѣрье! Пропади они пропадомъ!

(Входитъ Бертина, вноситъ хворостъ и дрова, задвигаетъ тяжелые дверные засовы, затапливаетъ очагъ и варитъ супъ).

Бертина. — Вотъ и я. Чего ты, мать, такъ боишься! Вѣдь свѣтло еще.

Старуха. — Чего боишься? Двѣ женщины однѣ противъ этихъ живодеровъ-пруссаковъ. Какая въ насъ сила!

Бертина *(показывая глазами на револьверъ на стѣнѣ)*. — Пустое все это. И на пруссаковъ расправа есть. Попадись они мнѣ только! Не боюсь я ихъ.

Старуха. — Да, на словахъ-то вы всѣ горазды. О-хо-хо.. Кости ноютъ... Отецъ-то опять поздно вернется?

Бертина. — Да, сказалъ, къ одиннадцати.

Старуха. — Сидѣлъ бы дома. Вмѣстѣ все же какъ-то спокойнѣе.

Бертина *(внезапно къ чему-то прислушиваясь)*. — Постойка, мама! *(Прислушивается)*. Въ лѣсу кто-то ходитъ: я ясно слышу.

Старуха *(бросая прялку)*. — Господи, Боже мой! Я такъ и знала! Отца нѣтъ дома! Что же теперь дѣлать? *(Мечется)*.

(Неистовый стукъ въ дверь. Растеряшіяся женщины не откликаются. Стукъ усиливается.)

Голосъ за дверью. — Отфорите! *(Молчаніе. Женщины словно отпѣгли)*. Отфорите, или я сломаю тѣри!

Бертина (*сняявъ со стѣны револьверъ, подходитъ къ двери*).
Кто вы такіе?

Голосъ. — Я отрягъ вчерашаго тня.

Бертина. — Что вамъ нужно?

Голосъ. — Ми заплутился еще сефотня утромъ фь лѣсу со сфоимъ отрятомъ. Отфорите, или я сломаю тфери!

Бертина (*минуту колеблется, но сообразивъ, что выхода нѣтъ, открываетъ двери и говорятъ рѣшительно*). — Что вамъ здѣсь нужно въ этотъ часъ?

Прусскій унтеръ-офицеръ. — Я заплутился. Я усналь томъ. Я ничефо не ѣль съ утра и мой отрягъ тоше.

Бертина. — Дѣло въ томъ, что я сегодня одна съ матерью.

Унтеръ-офицеръ. — Это нишефо. Ми не стѣлаю фамъ зла. Ви тайте намъ покушаль. Ми патаемъ отъ колодъ и усталость.

Бертина (*отступая внутрь*). Войдите.

(*Входятъ шесть прусскихъ солдатъ. Они устали и изнурены.*)

Бертина (*указывая на лавки по обѣ стороны стола*). — Садитесь, я вамъ сейчасъ дамъ супа. Мать, ты не бойся, вѣдь они, дѣйствительно, на мокрыхъ курицъ похожи. (*Бертина задвигаетъ дверной засовъ и подаетъ супъ. Старуха работаетъ. Прялка жужжитъ. Только-что солдаты хотятъ наброситься съ жадностью на гѣду, какъ за дверью раздается хриплое дыханіе какого-то звѣря*).

Унтеръ-офицеръ (*бросаясь къ ружьямъ*). — Стой! (*Солдаты вскакиваютъ*).

Бертина. — Чего своихъ-то испугались? (*Смѣется*). Вѣдь это же—волки. Они бродятъ голодные. Но ихъ-то я ужъ кормить не стану: хватить съ меня и васъ.

Унтеръ-офицеръ (*недовѣрчиво подходитъ къ двери, раскрываетъ ее и быстро захлопываетъ*). Тфѣ настоящи волки. Кто ни пофѣрилъ?

(*Пруссаки съ звѣриной жадностью набрасываются на похлебку. Похоже на то, что они проглотятъ ее вмѣстѣ съ тарелками. Женщины въ сторонѣ смотрятъ на нихъ.*)

Старуха (*Бертинъ*). — Ишь, какъ жрутъ, проклятые! Ажъ за ушами трещить.

Бертина. — Молчи, мать, молчи! Еще услышать эти жи-
водеры.

Унтеръ-офицеръ. — А фи самъ уже ужиналъ?

Бертина. — Нѣтъ, мы сейчасъ только собирались. Мы
послѣ поужинаемъ, когда васъ накормимъ.

Унтеръ-офицеръ. — Я би попросиль нить.

Бертина. — Хорошо, я сейчасъ нацѣжу вамъ сидра.
(*Беретъ кувшинъ и лѣзетъ въ погребъ*).

Унтеръ-офицеръ. — Кароши дѣвушки, онъ насъ на-
кормиль. Я умираль отъ голодь.

1-й солдатъ. — Зуппѣ кароши, а не дѣвушки.

2-й солдатъ. — Онъ намъ сидръ приносиль?

3-й солдатъ. — Пфуй, французски питье!

2-й солдатъ. — Старый папушки, ти пиль нашъ нѣмецки
питье?

Старуха (*не понимая, въ чемъ дѣло*). — Сейчасъ, сей-
часъ. Бертина! (*Зоветь изъ погреба Бертину. Бертина въ
тотъ же моментъ показывается, смотритъ на пруссаковъ и
на погребъ, и въ одно мгновение ее осяняетъ внезапная мысль
и рѣшеніе. Она смѣется про себя съ злобѣющимъ видомъ*).

Старуха — Бертина, наши гости пить просятъ.

Бертина. — Вотъ я ихъ и угощу! (*Значительно*). Я имъ
такое питье приготовлю, что они его долго помнить будутъ!

(*Солдаты пьютъ и, сидя, засыпаютъ. Время-отъ-времени
чья-нибудь голова съ глухимъ стукомъ падаетъ на столъ и че-
ловѣкъ сразу просыпается.*)

Бертина (*унтеръ-офицеру*). — Мы сейчасъ поужинаемъ
и пойдѣмъ къ себѣ наверхъ съ матерью, а вы ложитесь-ка
ближе къ огню. Чортъ возьми, для шестерыхъ мѣста хва-
титъ!

Унтеръ-офицеръ. — Ми очень усталъ фесь, ми заплу-
тился фесь тень.

(*Солдаты устраиваются у камина, подкладывая подъ головы
шинели.*)

1-й солдатъ. — Я имѣлъ сто пудѣ, вмѣсто ногъ.

2-й солдатъ. — А я имѣлъ сто пудѣ вмѣсто одинъ го-
лофа.

Унтеръ-офицеръ. — Карль, ти пошель на карауль.

3-й солдатъ. — Пусть Вильгельмъ пошель, я все равно
заснуль.

Лики войны.

Унтеръ-офицеръ *(кричитъ раздраженно)*. — Я просиль не раскофариваль! На карауль!

(3-й солдатъ уходитъ).

Бертина. — Ну, мать, идемъ *(гаситъ лампу)*. Не будемъ имъ мѣшать спать. Видишь, они устали. *(Злобно)*. Какъ же намъ не позаботиться о покоѣ дорогихъ гостей! *(Бертина незамѣтно для пруссаковъ беретъ съ собою револьверъ)*.

Старуха. — Идемъ, Бертина. Говорила я этому Пишону! *(Поднимаются по лѣстницѣ)*.

Бертина. — Да ты, мать, не бойся! Видишь, наши гости какіе тихіе; *(значительно)* они намъ всю жизнь будутъ благодарны за нашъ пріемъ.

(Уходятъ въ дверь во второй этажъ, запираютъ дверь на ключъ; слышно нѣкоторое время, какъ онѣ ходятъ, потомъ все затихаетъ. Пруссаки растянулись и мгновенно захрапѣли на разные лады. Всѣ лежатъ ногами къ огню.)

Пауза. Громкій храпъ.

(Входитъ караульный, потираетъ руки отъ холода, наливаетъ себѣ стаканъ сидра. Неожиданно раздается сильный выстрѣлъ, словно въ стѣну дома. Солдаты вскакиваютъ. Еще два выстрѣла. Еще три выстрѣла. Дверь, ведущая во второй этажъ, открывается и выходитъ Бертина въ одной рубахѣ и коротенькой юбкѣ, со свѣчкой въ рукахъ и съ безумнымъ видомъ.)

Унтеръ-офицеръ. — Што слушилось? Говорить скорѣй! Кто стрѣлялъ?

Бертина *(въ сильномъ волненіи)*. — Спасайтесь, иначе мы всѣ погибли! Это французы. Ихъ, по крайней мѣрѣ, двѣ сотни. Если они васъ увидятъ, то подожгутъ домъ. Мы погибли вмѣстѣ съ вами!

Унтеръ-офицеръ. — Што ми мокъ стѣлать? Куда ми ушоль?

Бертина. — Тихе! Я спасу васъ. Лѣзьте скорѣе въ погребъ. Скорѣе, скорѣе! Да не шумите, ради бога! Если они узнаютъ, что вы здѣсь, мы всѣ пропали...

Унтеръ-офицеръ. — Карошо, ми полѣзаль. Карошо. Гдѣ намъ нужно опуститься?

Бертина. — Скорѣе, скорѣе! Да тихе же!

(Пруссаки спускаются задомъ по узкой лѣстницѣ въ погребъ, который открыла Бертина. Она захлопываетъ крышку)

закрываетъ два раза на ключъ, ложится на полъ и прислушивается къ тому, что дѣлается въ погребѣ.)

Бертина (*злорадно*). А-а, проклятые, попались вы мнѣ въ руки! Посидите вы теперь у меня! Вспомните вы мое гостепріимство... (*Хочетъ злобно*).

(*Снизу слышенъ неясный разговоръ.*)

Бертина. — Что, догадались, нѣмцы проклятые? Погодите, то ли еще будетъ!

Унтеръ-офицеръ (*кричитъ*). Отфорите!

Бертина (*подражая его акценту*). — Такъ фотъ я тебѣ и отфору!

Унтеръ-офицеръ. — Отфорите!

Бертина (*издѣваясь*). — А не отфору!

Унтеръ-офицеръ. — Отфорите, или я филомаю тѣрь!

Бертина (*хохочетъ*). — Руки, милый, у тебя коротки чтобы эти двери выломать!

(*Изъ погреба слышатся удары прикладами по крышкѣ погреба. На этотъ шумъ показывается наверху въ дверяхъ старуха.*)

Бертина. — Иди, иди, мама! Послушай, какъ наши гости тамъ, внизу, веселятся! Ха-ха-ха! Я тебѣ говорила, что нечего намъ этихъ пруссаковъ бояться.

Старуха. — Хоть бы отецъ поскорѣе пришелъ. Нѣтъ его еще, Бертиночка?

Бертина (*смотритъ на часы*). — А вотъ мы сейчасъ посмотримъ. Открываетъ дверь, прислушивается и кричитъ). Ау, отецъ!

Голосъ Пишона. — Ау, Бертина!

Бертина. — Видишь, мать, вотъ и отецъ вернулся. Надо его предупредить. (*Кричитъ отцу*). Не проходи мимо отдушины! Въ погребѣ сидятъ пруссаки.

Пишонъ (*входитъ встревоженный*). — Въ погребѣ у насъ пруссаки?! Какъ же они туда попали?

Бертина. — Я ихъ туда посадила, чтобы они на свѣжемъ воздухѣ не прокисли... Ха-ха-ха!

Пишонъ. — Откуда же ты ихъ взяла?

Бертина. — А это тѣ, вчерашніе. Они заблудились въ лѣсу и зашли къ намъ поужинать.

Пишонъ. — Вотъ мы ихъ и угостимъ!

Старуха (*сверху*). — Что же мы съ ними будемъ дѣлать? Того и гляди, двери выломаютъ и убьютъ насъ.

Пишонъ. — Да что ты, старая, вѣдь эта дверь удары тарана выдержитъ! *(Подходитъ къ двери въ погребъ)*. Эй, нѣмецъ, хорошо тебѣ тамъ? *(Хохочетъ)*.

Бертина. — Знаешь что, отецъ, бѣги-ка ты за господиномъ Лавинемъ. Пусть придетъ сюда со своей милиціей и возьметъ ихъ въ плѣнъ.

Пишонъ. — Ну, и умница же ты, дочка!
(Пруссаки неистово стучатъ).

Пишонъ. — Что, нѣмецъ, выйти хочешь? Посиди, милый, мы тебя съ помпой оттуда выведемъ! но только съ пожарной!! *(Смѣется)*. Стучишь? Ну, стучи, милый, стучи! *(Всѣ хохочутъ)*.

Бертина. — Бѣги, отецъ! Мы и безъ тебя тутъ съ ними потолкуемъ. Не соскучатся они, не бойся! *(Смѣется)*.

Пишонъ. — Бѣгу, бѣгу! То-то радость для господина коменданта! *(Уходитъ)*.

Старуха. — Опять мы одни остались! А ну, какъ впрямь они дверь выломаютъ!

Бертина. — Ну, до этого еще далеко, мать! Нѣмецкимъ ружьемъ французскую стѣну не такъ-то скоро прошибешь. А тамъ и отецъ вернется съ господиномъ Лавинемъ и съ нашей милиціей. Видишь, они сами присмирѣли, поняли, что ничего сдѣлать не могутъ.

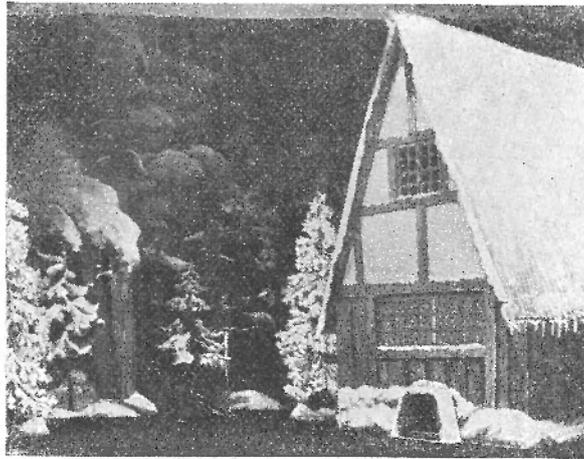
Старуха. — И какъ это ты, Бертиночка, ловко все подстроила? А я-то испугалась, когда ты начала стрѣлять!

Бертина. — Ненавижу я этихъ нѣмцевъ! Понимаешь, мать: не-на-ви-жу! Живодеры проклятые! Попались, наконецъ, рыжебородые дьяволы! Ха-ха-ха! Ахъ, мать, какъ только увидѣла я этихъ ненавистныхъ солдатъ, которые такъ подло истязаютъ нашихъ плѣнныхъ,—забурлила моя кровь такой злой ненавистью, что большихъ усилій стоило мнѣ сдержать себя и не выцарапать имъ глаза. И вдругъ... О, благодарю Тебя Великій Богъ! Вдругъ мнѣ пришла въ голову мысль посадить ихъ въ погребъ... *(Снизу стукъ)*.

Бертина *(подходитъ къ погребу и кричитъ)*. — Ужъ не воображаете ли вы, что я васъ оттуда выпущу? Подождете еще немного. Теперь я съ вами рассчитаюсь за всѣхъ французовъ, которыхъ вы замучили! Я простая женщина, но я—француженка и умѣю служить своей родинѣ!

Занавѣсъ.

Театръ „Корша“.

Декорація 2-ой картины.

Раб. худ. Костина.

Фот. С. Манухина.

Картина 2-я.

Ночь. Задняя стѣна домика лѣсничаго. Между деревьями осторожно крадется тѣнь. Это Пишонъ. Онъ останавливается и свиститъ условнымъ свистомъ—пронзительно и протяжно. Показывается Бертина.

Пишонъ. — Бертина!

Бертина. — Я тутъ.

Пишонъ. — Я все устроилъ, Бертина. Вся наша армія здѣсь въ засадѣ. Да, ужъ мы живыми въ руки не дадимся!

Бертина. — И господинъ Лавинъ въ вами?

Пишонъ. — Еще бы! Они покуда всѣ спрятались въ лѣсу. А меня прислали узнать нѣтъ ли какихъ-нибудь перемѣнъ?

Бертина. — Все по прежнему.

Пишонъ. — Въ такомъ случаѣ я вызову нашихъ.

(Пишонъ свиститъ два раза).

Бертина. — Отецъ, предупреди ихъ, чтобы не проходили передъ отдушиной. Проклядые нѣмцы навѣрно будутъ защищаться и могутъ ранить кого-нибудь изъ нашихъ.

Пишонъ. — Да, да. Я сейчасъ же имъ скажу.

Бертина. — Идутъ?

Пишонъ. — *(волнуется, вглядывается напряженно въ темноту и говоритъ радостно)*: Идутъ! Идутъ! Это только авангардъ! А тамъ въ лѣсу еще много!

(Показывается авангардъ. Впереди комендантъ Лавинъ. Двигаются осторожно, съ опаской, крадутся милиціонеры въ шубахъ и полушубкахъ).

Пишонъ. — Не проходите передъ отдушиной!

Лавинъ. — *(1 солдату)*. Не проходите передъ отдушиной!

1 Солдатъ *(2 солдату)*. Не проходите передъ отдушиной!

2-ой Солдатъ *(3-му солдату)*. Не проходите передъ отдушиной!

(Эти слова повторяютъ всѣ одинъ за другимъ).

(Лавинъ располагаетъ солдатъ такъ, чтобы окружить домъ и оставить свободнымъ пространство противъ отдушины).

Смирно! Окружить домъ! Берегись отдушины!

Лавинъ. — *(обращаясь къ Бертинѣ и Пишону. Таинственно)*. Они тамъ..... въ погребѣ?

Бертина. — *(злорадно)*. Всѣ тамъ, до одного!

Лавинъ. — Что же они говорятъ?

Бертина. — Они молчатъ уже давно.

Пишонъ. — Бертиночка, а не могли ли они вылѣзть черезъ отдушину?

Лавинъ. — А вотъ мы сейчасъ посмотримъ *(съ опаской подходитъ къ отдушинѣ и садится на нее верхомъ)*.

Бертина. — Осторожно, господинъ комендантъ!

Пишонъ. — Ради Бога осторожнѣе! Вы не знаете, что это за подлецы эти нѣмцы!

Лавинъ. — *(Не безпокойтесь стучитъ прикладомъ ружья объ рѣшетку отдушины)*. Господинъ унтеръ-офицеръ!

(Молчаніе).

Лавинъ. — Господинъ прусскій унтеръ-офицеръ!

(Молчаніе).

Лавинъ. — Господинъ прусскій офицеръ!

(Молчаніе).

Пишонъ. — Отойдите-ка лучше подальше! Они навѣрно составили тамъ цѣлый планъ обороны! Вы не знаете этихъ нѣмцевъ.

Лавинь. — Тс... Господинъ прусскій офицеръ! Я обращаюсь къ вамъ] какъ къ достойному врагу и поступаю съ вами по всѣмъ правиламъ стратегіи! Потрудитесь нарушить ваше безмолвіе! Мы всѣ ждемъ вашего слова. Считаю долгомъ предупредить, что всѣ мы горимъ беззавѣтной любовью къ нашей родинѣ и до послѣдней капли крови готовы биться съ нашимъ врагомъ. Но прежде, чѣмъ обагрить руки кровью я предлагаю вамъ, движимый высокими побужденіями — сдайтесь господа.

(Торжественная пауза. Лавинь упоенъ собой).

Пишонъ. — Какая голова! Вотъ умница, этотъ Лавинь! какъ говорить!

Всѣ. Замѣчательно! неподобно! ораторъ!

Лавинь. — Ваше молчаніе, господа, является для меня абсолютной загадкой. Я могъ бы посупить съ вами безпощадно и жестоко, но я предлагаю вамъ сдаться безъ боя, и обещаю оставить въ полной неприкосновенности вашу жизнь. Я иду еще дальше, увлекаемый гуманными идеями! Сдайтесь, господа, и ваша военная честь останется для насъ стольже священной, какъ и ваша жизнь. Повторяю, ваше упорное молчаніе озадачиваетъ меня, но вѣрный вышеупомянутымъ высокимъ принципамъ, я даю Вамъ на размышленіе 15 минутъ, въ продолженіе которыхъ, ручаюсь головой, съ нашей стороны не будетъ предпринято никакихъ губительныхъ для васъ дѣйствій.

(Вынимаетъ часы, отходитъ отъ отдушины и обращается къ своимъ солдатамъ): Вы слышали, господа, я поручился за 15 минутъ своей головой?

(Уходитъ въ домъ).

Малуазонъ. — 15 минутъ... Это пожалуй и вздремнуть можно... Я тутъ хоть сидя къ дереву прислонюсь и подремлю... костерчикъ-бы разложить.

1-й Солдатъ. Эй холодно тебѣ, толстый? Хорошо имъ тамъ, мерз... хорошо въ погребѣ! А ты тутъ на снѣгу пропадай!!

2-й Солдатъ. Эй, Пишонъ! А что у тебя тамъ въ погребѣ-то?

Малуазонъ. — Навѣрное поѣсть въ свое удовольствіе найдется, да и поспать можно! Тамъ тепло, не то что здѣсь.

3-й Солдатъ. А заглянуть бы въ эту отдушину! Что они тамъ дѣлають?

1-ый Солдатъ. Я бы на ихъ мѣстѣ все-таки стрѣлять бы сталъ!

Подевенъ. — А что если пройти мимо отдушины?!

1-ый Солдатъ. Попробуй-ка!

Подевенъ. — А и попробую! *(собирается пробѣжать, но въ послѣднюю минуту не рѣшается)*.

Малуазонъ. — Ну, ну, оставь, подстрѣлять тебя какъ куропатку. Пишонъ, костеръ бы что ли разложить! Холодно очень на снѣгу-то! Пишонъ, ты по этой части долженъ быть мастеромъ, ну-ка!..

4-ый Солдатъ. А ну-ка старикъ, покажи намъ, какъ костры въ лѣсу разводять!

5-ый Солдатъ. А то Малузону для пищеваренія свой толстый животъ прогрѣть необходимо.

(Смѣхъ).

Малуазонъ. — Животъ, животъ! Что пристали у каждаго изъ васъ животъ есть! За своими животами гладите!

5-ый Солдатъ. А что господа у нѣмцевъ такіе живота встрѣчаются?

(Смѣхъ).

1-ый Солдатъ. Нѣтъ, господа, Малуазоновскій животъ единственный въ своемъ родѣ.

Подевенъ. — Господа, а что если въ прямъ передъ отдушиной пройтись?

1-ый Солдатъ. Пройдись, милый, пройдись!

Плашню. — Отчего же, конечно!

Пишонъ. — Подошли они тамъ, что ли? *Костеръ горитъ. Всѣ съ любопытствомъ смотрять на Подевена. Малуазонъ грѣется у костра и добродушно посмѣивается. Съ минуту Подевенъ колеблется, потомъ быстро пробѣгаетъ передъ отдушиной. Пруссаки безмолствуютъ*.

Подевенъ — Эге вотъ и прошель!

1-ый Солдатъ. — Прощель, а пробѣжалъ!

Плашню. — Да тамъ пикого нѣтъ!

1-ый Солдатъ. — А ну-ка, братцы, теперъ я!

(Перебѣгаетъ. Хохотъ).

Плашню. — И я!

(Перебѣгаетъ. Хохотъ).

2-й Солдатъ. — Давайте, господа, по очереди!

Подевенъ. — По очереди, такъ по очереди!

(Солдаты по очереди перебѣгаютъ).

Пишонъ. — Плохія это шутки, господа! Они тамъ...
Перестанте, господинъ, комендантъ будетъ недоволенъ.

3-й солдатъ. — *(Перебивая)*. Не бойся, старина! Бѣги, твоя очередь!

(Пишонъ, подталкиваемый милиціонерами въ страхъ перебѣгаетъ).

Пишонъ. — Твоя святая воля, Господи! А только нѣмцы...

Подевенъ. — *(Перебивая)*. Молчи, старикъ, надоѣлъ, каркаешь все! Малуазонъ, ты что тамъ у костра разнѣжился?! Твоя очередь теперь!

Малуазонъ. — *(Кряхтя уписываетъ булку, лежа на снѣгу у костра)*. Да я братъ... того... усталъ я... *(Смѣхъ)*.

4-й солдатъ. — Ну, вставай, слонище толстобрюхій, вставай, послѣ отдохнешь!

5-й солдатъ. — Ну братъ, и здоровая же мишень твое брюхо! Тебя нѣмецъ перваго подстрѣлитъ!

(Смѣхъ).

Подевенъ. — Вставай, братъ, вставай! Не все тебѣ булки разрабатывать, надо и храбрость свою когда-нибудь показать!

Малуазонъ. — Да я бы въ другой разъ... право...

Планшю. — Нечего, нечего! Вставай, толстый!

Малуазонъ. *(Кряхтя и колеблясь съ добродушнымъ неудовольствіемъ встаетъ и пускается въ ходъ гимнастическимъ шагомъ, отъ котораго трясется его толстый животъ)*.

(Все хохочутъ до слезъ. Малуазонъ труситъ видимо и, чтобы его подбодрить солдаты кричатъ: Браво, браво, Малуазонъ!

(Неожиданно выстрѣлъ изъ отдушины).

Малуазонъ. *(Съ крикомъ падаетъ животомъ внизъ на снѣгъ и схватившись рукой за мягкія мѣста, съ плачемъ ползетъ на четверенькахъ въ сторону)*.

(Минутный испугъ и онѣмѣніе).

5-й солдатъ. — Ишь ты, прямо въ сердце.

(Взрывъ смѣха).

(Въ это время изъ дома выходитъ Лавинъ, строго оглядываетъ всѣхъ).

Лавинъ. — Что такое?

Малуазонъ. — Ой, ой! Умираю!

Лавинь. — Раненый! Носилки и санитаровъ! Будьте героемъ, и прежде всего не теряйте присутствія духа! Смирно! Я приступаю къ переговорамъ. *(Показываетъ часы и подходитъ къ отдушину)*.

Малуазонъ. — Я молчу, господинъ комендантъ.

Лавинь. — Господинъ унтеръ-офицеръ, условленные 15 минутъ прошли, и больше мы ждать не намѣрены. Жестяникъ Планшю и его подмастерья!

(Выходятъ три челоѡька).

Всѣ трое. Господинъ комендантъ!

Лавинь *(лакопически)*. Помпу! Прусакѣ должны принять холодную ванну. Это оздараѡливающе подѣйствуетъ на ихъ нервную систему и развяжетъ имъ языки!

Солдаты. — Bravo, bravo г. комендантъ!

Пишонъ. — Какая умница, какой...

5-й солдатъ. — Нѣмецъ купаться любитъ!

Планшю. — Это имъ полезно! Качайте!

Пишонъ. — Кстати, господа нѣмцы и водички свѣжей напьются! Кресло г. коменданту.

Лавинь *(отдаетъ распоряженіе качайте!)*.

(Качаютъ воду Лавиню приносятъ кресло изъ дома).

Подевенъ. — Качай, качай, сильнѣе!

Бертина. — То-то голубчики, у насъ тамъ цѣлый боченокъ сидра. Такъ не все же имъ нашъ сидръ попивать! Попробуйте и водички холодной!

(Изъ погреба гуль голосовъ).

Планшю. — Эге, защищаль нѣмецъ!

Подевенъ. — Не понравилось, стало-быть!

Лавинь. — Остановите воду! Непрїатель желаетъ вступить, повидимому, въ переговоры и просить пощады!

(Воду останавливаютъ).

Голосъ изъ отдушины. — Я шелаю кафорить съ ка-сподинъ французски офицеръ!

Лавинь *(однако не подходя близко)*. — Вы сдаетесь?

Унтеръ-офицеръ. — Стаюсь!

Лавинь. — Въ такомъ случаѣ выбросьте ваши ружья въ отдушину.

(Нѣмцы выбрасываютъ ружья милиціанеры считаютъ ружья).

(Когда они ихъ выбросили милиціанеры берутъ ихъ).

Лавинь. — Сколько всѣхъ ружей?

Бартина. — Шесть, господинъ комендантъ!

Лавинь. — Бросайте ружья! *(Въ отдушину)*.

Унтеръ-офицеръ. — Польше нѣтъ!

5-й солдатъ. — Вретъ нѣмецъ!

Унтеръ-офицеръ. — Польше нѣтъ! Торопитесь, намъ мокро!

Лавинь *(къ Пишону)*. — Сколько ихъ?

Пишонъ. — Шесть!

Лавинь. — Великолѣпно! Стройся! Смирно! *(Оглядѣвъ милиціонеровъ)*. Непрiятелю бѣжать невозможно. Жестянникъ Планшю и его подмастерья! Распилить рѣшетку отдушины, и чтобы все было сдѣлано въ одинъ моментъ!

(Планшю распилываетъ отдушину).

Бартина. — Господинъ комендантъ, я могу ихъ выпустить въ дверь, у меня ключъ отъ погреба!

Малуазонъ *(жалобно)*. — Я молчу, но не допускайте этого. Пусть подлецы хоть въ отдушину вылезутъ! Во имя моихъ тяжелыхъ ранъ, господинъ комендантъ!

Подевенъ. — Не бойся Малуазонъ, ужъ мы отплатимъ за твою рану!

Лавинь. — Выпустить плѣнниковъ черезъ отдушину по одному, соблюдая предосторожности!

(Отдушину снята и съ предосторожностями вытаскиваютъ нѣмца. Онъ весь мокрый).

Лавинь. — Руки вверхъ! *(Каждому нѣмцу, вылезавшему изъ отдушины)*.

(Нѣмецъ подымаетъ руки).

Лавинь. — Связать его!

(Нѣмцевъ вытаскиваютъ изъ отдушины и всѣхъ связываютъ и окружаютъ. У французскихъ солдатъ ружья наготовѣ).

5-й солдатъ. — Не угодно ли покурить?!

(Даетъ нѣмцамъ папиросы въ зубы).

Лавинь. — Не разговаривать съ плѣнными! Смирно! Стройся! Подъ конвоемъ отвести въ городъ. Не спускать съ нихъ глазъ въ пути. За каждого нѣмца вы отвѣчаете мѣ своими головами. Раненаго во время осады милиціонера Малуазона перенести на носилкахъ въ городской госпиталь, и впредь до полного его выздоровленія ухаживать за нимъ съ тѣмъ вниманiемъ, которое заслужилъ своей храбростью этотъ

исключительный герой. (Смѣхъ). Смирно! Тс... Прошу всѣхъ съ должнымъ сознаниемъ отнестись ко всему тому, что произошло сегодня! Мы захватили въ плѣнъ, не прибѣгая ни къ какому уловкамъ или хитростямъ, отрядъ прусскихъ развѣдчиковъ,—цѣлый авангардъ во главѣ съ унтеръ-офицеромъ,—авангардъ, который могъ нанести нашей родинѣ большой и непоправимый вредъ. Осада продолжалась недолго, но велась по всѣмъ правиламъ военного искусства. Прусаки всѣ взяты въ плѣнъ. Кровавое пролитіе съ нашей стороны незначительное (смѣхъ) Обо всемъ происшедшемъ мною будетъ доведено до свѣдѣнія начальства, которое въ свою очередь не замедлитъ вознаградить насъ за проявленную нами храбрость и распорядительность. Смирно!.. Шагомъ маршъ!

(Милиціонеры поютъ марсельезу и шествіе трогается).

«Марсельеза».

Густава Дорэ.

ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА „РАМПА и ЖИЗНЬ“

- „Московскій Художественный театр“, истор. очеркъ его жизни и дѣятельн., томъ I, 2 руб., томъ II, 2 руб. 50 коп, оба тома въ изящ. пер. 5 руб. Въ каждомъ томѣ болѣе 200 иллюстр.
- Федоръ Шалапинъ**, биограф. и сценич. дѣятельность, роскошно изданная книга—болѣе 200 иллюстр. ц. 2 р. 50 к.
- „Калики Перехожіе“, В. Волькенштейна, трагед. въ 3 д. цѣна 2 руб. съ потами.
- Театръ миниатюръ-набарэ**, вып. I, 1 руб. Росмунда, миниатюры Lolo. Страничка романа, шутка въ 1 д. пер. Э. Маттерна. Дѣлайте вашу игру, таг. карриатура Я. Львова. Пантомима любви. Трагедія въ 1 д. Lolo. У директора театра, шут. въ 1 д. перев. Э. Маттерна.
- Театръ миниатюръ-набарэ**, вып. II, 1 руб. 50 коп. Опечатка, пустячекъ въ 1 актѣ въ стихахъ Lolo. На кухнѣ, сценка въ 1 д. Екатерины Экъ. До пятого колѣна, шут. въ 1 д. перев. Э. Маттерна. Во время перемирія (по Мопассану), пьеса въ 1 д. пер. В. Бинштока и Э. Маттерна. Объясненіе въ любви, пьеса въ 1 д. Анри Батайля пер. Е. Экъ. Какая наглость, шут. въ 1 д. пер. Э. Маттерна.
- „Жрецы и жрицы искусства“, Lolo, словарь сценическихъ дѣятелей въ стихахъ. Томъ I. 1 руб. Т. II. 1 руб. Оба тома въ переп. 1 руб. 60 коп.
- „Шуты“, ком. въ 4 д., переводъ въ стихахъ Lolo (Л. Мунштейна). 1 руб.
- „Голубая кровь“, пьеса въ 4 д., переводъ Lolo (Л. Мунштейна). 2 руб.
- „Госпожа публика“, комедія въ 3 дѣйств., переводъ Л. М—на и Ян. Львова. 1 р. 50 к.
- „Пески сыпучіе“. Сер. Гарина, пьеса въ 4 д. 2 руб.
- „На полпути“, Артура Пинеро, пьеса въ 4 д., переводъ Б. Лебедева 1 р. 50 к.
- Сказки любви**, Н. А. Крашенинникова. „Горе стараго царя“ сказк. въ 1 кар. 1 руб.
- „Сильный полъ“, его же, комедійные негативы въ 4 кар. 50 коп.
- „Обручальный пестень маркизы“, его же, оригинальная комедія въ 1 дѣйств. 1 руб.
- „Жизнь культурнаго человѣка“ (изъ репертуара Кривого зеркала). Ц. 1 руб.
- „Образцовое русское произношеніе“ П. Шарова (опытъ самоучителя орфоэпін). Изд. 2-е ц. 1 руб.

3106

✓ 3b
219060

МОСКВА.
Типогр. и цинкогр. Т/Д. „МЫСЛЬ“, Н. П. Меснякинъ 159
Петровка, д. 17.